

ВЕСТНИК
государственного
университета
«Дубна»
#1 2021

Серия
«Науки
о человеке
и обществе»

Электронный
научный
журнал

В номере:

**Политический образ
России в
медиапространстве
Латинской Америки**

**Национальный
менталитет в призме
традиций и модерна**

**Русская идея: прошлое,
настоящее... будущее?**

Редколлегия

Багдасарьян Н.Г., доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии и гуманитарных наук – **главный редактор**

Боклагов Е.Н., кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и гуманитарных наук – **заместитель главного редактора**

Ющенкова Д.В., кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, зам. зав. кафедрой психологии по научной работе – **редактор**

Воинова А.А., кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и гуманитарных наук – **ответственный секретарь**

Члены Редколлегии:

Anna Stetsenko, PhD, Professor Ph.D. Programs in Psychology, The Graduate Center of The City University of New York

Братусь Б.С., доктор психологических наук, профессор, научный руководитель факультета психологии Российского православного университета кафедры

Венгер А.Л., доктор психологических наук, профессор кафедры психологии Государственного университета «Дубна»

Дулина Н.В., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и социальных технологий Волгоградского государственного университета

Плебанек О.В., доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Университета при Межпарламентской Ассамблее ЕвАзЭС

Ениколопов С.Н., кандидат психологических наук, доцент, руководитель отдела медицинской психологии ФГБНУ "Научного центра психического здоровья"

Истомина О.Б., доктор философских наук, зав. кафедрой социально-экономических дисциплин Иркутского государственного университета

Мещеряков Б.Г., доктор психологических наук, профессор кафедры психологии, научный руководитель кафедры психологии Государственного университета «Дубна»

Субочева О.Н., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и культурологии МГТУ им.Н.Э. Баумана

Федотова В.Г., доктор философских наук, заведующая сектором социальной философии Института философии РАН

Хозиев В.Б., доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой клинической психологии Государственного университета «Дубна»

Шимон И.Я., доктор исторических наук, профессор кафедры социологии и гуманитарных наук Государственного университета «Дубна»

Юдина Т.Н., доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социологии социальной сферы РГСУ

Назаретян А.П., доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социологии и гуманитарных наук Государственного университета «Дубна»

выпускающие редакторы номера –

Н.Г. Багдасарьян, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии и гуманитарных наук Государственного университета «Дубна»

Д.В. Ющенкова, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Государственного университета «Дубна»

Содержание

Политика и мир

- Волощук О.С.** Культурно-символические основания поляризации «Свой-Чужие» в информационном пространстве 3
- Фадеечев Г.Е.** Политический образ России в медиапространстве Латинской Америки.... 14
- Заковряжина Ю.Д.** Национальный менталитет в призме традиций и модерна (на примере Японии)..... 20

Образование и развитие личности

- Кошик В.С.** Трансдисциплинарность как вектор проектирования образовательных программ..... 30

Социальные проблемы и стратегии их решения

- Шимон И.Я.** Русская идея: прошлое, настоящее... будущее? (историко-философский аспект)..... 44
- Попов В.Д.** Некоторые перспективы и противоречия развития цифровой экономики..... 55

Личность в условиях социальных перемен

- Багдасарьян Н.Г., Ромашкина А.П.** Цифровое поведение личности в интернет-коммуникациях: культура и риски..... 61
- Васильева А.Ю., Фролов Ю.И.** Модель личностного самоопределения в условиях движения футбольных фанатов..... 73
- Никонов А.С.** Категории постмодернизма в творчестве Мадонны..... 83

Политика и мир

УДК 327

О. С. Волощук

Культурно-символические основания поляризации «Свои-Чужие» в информационном пространстве

Аннотация:

В статье рассматриваются теоретические основы постмодернизма и метамодернизма, потенциально применимые по отношению к политическим исследованиям. Описывается характер перехода от одной методологии к другой. Раскрыто понимание структуры и модели «Свои-Чужие» в рамках формирования потенциально новой методологии и ее имплементация для конкретного кейса – конфликтогенность Ближнего Востока. Делается вывод, что моделирование региональной системы сводится к концептуализации теоретических понятий, культурно-символических структур и методологии, которые предоставят возможность признавать или отрицать intersubjectивное пространство в очерченных исследователем рамках с опорой на официальную информацию, представленную в СМИ.

Ключевые слова: постмодернизм, метамодернизм, субъектность, intersubjectивность, Ближний Восток

Об авторе: Волощук Ольга Сергеевна, МГУ им. М. В. Ломоносова, магистрант кафедры информационного обеспечения государственных интересов факультета мировой политики; эл. почта: olgavoloshchuk7@gmail.com

Вопрос эффективности межкультурного взаимодействия, исключаящего потенциальные конфликты, во многом зависит от усиления intersubjectивности международных отношений, т.е. объективного признания существования других акторов вне зависимости от личностных или внутригосударственных установок. Главное: действия, осознание и интерпретация этих установок должны быть построены в общей логике смысло- и целеполагания. Политика мультикультурализма как способ преодоления такого конфликта обеспечивает понимание проблемы взаимодействия в нынешних реалиях лишь на одном метауровне: признание равноправия по отношению к мигрантским сообществам.

В силу этого политика мультикультурализма обостряет интерсубъективность международных отношений. На социокультурном уровне в силу этого формируется широкий спектр дискурса, в котором ключевое понятие занимает «Другой». На протяжении 20 в. предпринимались попытки концептуализировать термин «Другой» такими мыслителями как М. Хайдеггер [18], Ж.-П. Сартр [16], К. Г. Юнг [19], М. М. Бахтин [1], Х.-Г. Гадамер [3], Ж. Лакан [9;10], Э. Левинас [25], П. Рикер [15].

Цель статьи – обобщить теоретико-методологические основания постмодернизма и метамодернизма по отношению к культурно-символическим формам на примере Ближнего Востока.

Предмет исследования – культурно-символические явления, определяющие поляризацию «Свои-Чужие» на Ближнем Востоке.

Базовый тезис исследования выражается в том, ближневосточный регион после событий Арабской весны вынужден решить определенную онтологическую дилемму. При сформировавшейся дисперсии сил остается непонятно, что первично для данной региональной системы: новая этическая парадигма сосуществования или конкретные действия акторов региона, которые бы эту этическую систему оформили. Решение этого вопроса могло бы послужить основой нового интерсубъективного поля региональных отношений. Первым шагом для поиска ответа является моделирование ближневосточного дискурса с использованием категорий «Свой» и «Чужой». Создание модели начинается с оконтуривания теоретико-методологической базы, на основе которой происходит осмысление информационного поля Ближнего Востока.

От постмодерна к метамодерну

Хаотический и не оформленный в единую систему взглядов постмодернизм в 21 в. вытесняется новой парадигмой метамодерна [23; 6-9]. Смена этих парадигм предполагает иное восприятие культурно-символических основ. Происходит это за счет того, что метамодернизм стремится не к критике предшествующих подходов миропонимания, а к совершенно новому, целостному переживанию мира.

Классическое представление о метамодернизме сложилось благодаря работам Вермюлена и ван ден Аккера, которые представили «зарождающуюся структуру чувства» как базовый элемент в открытии новых смысловых категорий в маятниковой системе метамодернизма [27-29]. Подобное чувство призвано создать не фундамент философии, а концептуализировать восприятие как таковое. О том, что метамодернизм – это постоянные колебания смыслов говорит в своем манифесте и Л. Тернер [26]. Метамодернистская

методология подводит к тому, что предшествующая структуралистская позиция «или ... - или ...», которая подвергалась мощной критической волне постмодерна, в новых условиях не исчезает окончательно, но трансформируется в модель «и ... - и...» [4, с. 333]. При этом бинарность непременно существует в системе маятника и постоянной смены смыслов.

Развивая новый подход к миропониманию, формируются и более узконаправленные концепции, например, альтермодерна. Представлено это ответвление метамодернизма французским теоретиком искусства Н. Буррио. Он предлагает другой, не менее интересный концепт – «архипелаг коллективных реакций» [23, с. 184-185]. Это подразумевает не просто отсутствие объективного глобального ответа, но то, что метамодернистская методология все теснее может быть связана не только с пониманием современной культуры или современного искусства. Формулы, которые предлагаются теоретиками нового концептуального подхода, потенциально могут быть перенесены в социально-политическую плоскость. Например, альтермодерн – это одна из вариаций альтерглобализма [22; 23].

Столкнувшись с несостоятельностью «конца истории» Ф. Фукуямы, политические исследования продолжают развивать новые подходы в соответствии с актуализацией тех или иных аспектов мировой, региональной или национальных политик. Наиболее точно нынешнее состояние политического пространства было дано американским последователем акселерационизма Н. Лэндом, по утверждениям которого в мире двадцать первого века процесс принятия решений носит импловзивный характер, в то время как мир сам по себе эксплозивен [24]. Новая теоретико-методологическая база в таком ключе может и должна опираться не столько на пространственные аспекты, сколько больше выделять понятие «времени» как новый базовый фактор политических исследований. Несмотря на философский, эфемерный характер самого понятия «время», человечество в условиях глобальной детерриторизации (термин, который акселерационисты заимствуют у постмодернистов Делеза и Гваттари) приходит к тому, что Н. Лэнд обобщает следующим образом: «Ни одна современная дилемма не рассматривается реалистично до тех пор, пока не будет также признано, что возможность для этого быстро рушится» [24].

Подобное интеллектуальное обновление ставит ряд вопросов, которые в дальнейшем должны подвергнуться исследованию как на философском уровне, так и на уровне социо-гуманитарных наук. Среди них:

1. Какие элементы постмодернизма остаются актуальными при формировании новой метамодернистской методологии?

2. Как это переосмысление применимо по отношению к международным или региональным политическим исследованиям?

3. Можно ли в рамках метамодерна сформировать модель поведения акторов в пределах одной региональной системы?

Переосмысление бинарных оппозиций

Возвращаясь к ближневосточной ситуации, которая была сформирована после событий Арабской весны, основные конфликты в условиях тотальной дисперсии сил так или иначе делятся на двусторонние бинарные оппозиционные отношения: Израиль-арабские государства, сунниты-шииты, Запад-Восток. Центральным конфликтом, несомненно, при этом остается арабо-израильский или его частное представление в виде палестино-израильского противостояния.

Говоря о чистом восприятии ситуации в контексте теории международных отношений, ведущий специалист в исследованиях арабо-израильского конфликта А. Д. Эпштейн утверждал, что подписание Кэмп-Дэвидских соглашений еще в 1972 г. создало атмосферу билатеральности [20]. В связи с этим анализ отношений между Израилем и конкретной арабской стороной может оставаться более актуальным и сейчас, чем общий нарратив Израиль-арабский мир, который лишь создает форму сосуществования стран в пределах Ближневосточного пространства на основе культурно-символической дихотомии. Но в любом случае базовое переосмысление касается отношения к бинарным оппозициям как неким структурам, которые задают дальнейший ход повествования как минимум в пределах конфликтогенной обстановки.

Значительный вклад в восприятие бинарности был внесен в период постмодерна Ж. Дерридой. Несмотря на отказ постструктуралистов от бинарности как формулы, которая что-либо могла бы дать в прояснении реальности, полностью вычеркнуть этот аспект из мысленных конструкторов не получается.

В своей работе «О грамматологии» Ж. Деррида показательно пишет: «В ней [системе] можно говорить о чем угодно: о добре или зле, о мире или войне – каждый раз это будет столь же истинно, сколь и ложно, и всегда неуместно. Руссо обнажает здесь как раз нейтральное начало этико-политической системы понятий, ее поля объективности, ее аксиологии. Стало быть, нужно нейтрализовать все те оппозиции, которые избороздили классическую философию истории, культуры и общества. А пока – до этой нейтрализации и этой редукции – политическая философия вынуждена опираться на весьма наивные очевидности, приобретенные или стихийно возникшие. Она постоянно рискует «повторить

ошибку тех, кто рассуждал о естественном состоянии, перенося в это рассуждение мысли, относящиеся к обществу...» («Второе рассуждение», с. 146)» [6, с. 350].

Деррида избавляется от пережитков структуралистского подхода, где для него бинарная оппозиция – это не просто ложная основа дальнейшего повествования, но и сама по себе банальность. Делается это в пользу полиморфного, калейдоскопического размывания смыслов. Однако сам процесс деконструкции, используемый Дерридой в целях уничтожения бинарного как такового, при его переносе в контекст методологического поля (при том, что Деррида деконструкцию не считал ни методом, ни процессом, ни вообще ничем [7]) сам по себе невозможен без наличия оппозиционных отношений как изначальной формы. А наше восприятие деконструкции так или иначе будет подразумевать собственную интерпретацию понятия «деконструкция», которая не может не выражаться в формуле «S есть P». Отказ от такой формулы подразумевал бы лишь собственный непередаваемый и неотчуждаемый субъективный опыт. Сам Ж. Деррида называл деконструкцию «даром» [7].

Однако вторжение другого субъекта в понимание сути деконструкции лишает его статуса «дара», «всего и ничего» и позволяет ввести в поле методологии и интерпретации при условии, что мы не входим в пространство деконструкции с метафизическими намерениями – из состояния неподлинного прийти к состоянию подлинному благодаря этому «дару». В таком случае любая оппозиция – это не банальность, а так или иначе изначальное условие, необходимое и аксиоматическое, но не определяющее суть реальности, в которой эта форма обнаруживается, и даже ее не описывающее.

Согласно С. Данею «всякая форма – это лицо, которое на нас смотрит» [2, с. 23]. Э. Левинас подводит к тому, что интересубъективные отношения выстраиваются на ответственности, так как «лицо есть то, что приказывает мне служить другому, запрещает убивать» [25, с. 93], т.е. вторгаться в пределы иной субъективности. Н. Буррио продолжает данный тезис, называя форму лишь оболочкой в противовес некоему содержанию [2, с. 23]. Таким образом, любая полученная форма (при сравнении со смотрящим лицом) подразумевает изначальное образование встречи с «Другим» и дальнейшие условия обмена на основе ответственности, которая не может не подразумевать принятия субъектности того, с кем этот обмен производится в рамках бинарных или билатеральных отношений.

Бинарность как базовая форма или априорная конструкция, заданная в нашем аппарате мышления, в силу необходимой аксиоматики для дальнейших деконструкций или иных мыслительных манипуляций предполагает инаковость или «Другого», что должно

происходить из формулы идентификации. К. Г. Юнг обобщил идентификацию и необходимость «Другого» в этом процессе в следующем размышлении: «Однако познать самого себя необходимо – только так ты можешь узнать, кто ты есть на самом деле. За узкой дверью человек неожиданно обнаруживает безграничные просторы, полные неопределенности. Там нет внутреннего и внешнего, верха и низа, здесь или там, моего и твоего, нет плохого и хорошего. Это мир вод, где свободно течет жизнь, где начинается царство симпатической системы, души всего живого, где я есть нераздельно и то, и это, где я переживаю другого во мне, а этот другой переживает меня в себе» [19, с. 42]. Переживание «Другого», влияние на собственное восприятие себя и столкновение двух идентичностей напоминает процесс отзеркаливания себя же. Смотри в зеркало, мы вкладываем в отражение все, что нас составляет. В это же время отражение возвращается к нам обратно в процессе его восприятия, что вновь создает нас же самих. Символ зеркала использовался для большего понимания процесса формирования своей идентичности и в художественных философских произведениях, таких как «Тошнота» Ж.-П. Сартра [17, с. 34-35], и в произведениях с серьезной претензией на научность – семинары Ж. Лакана с его теорией стадии зеркала [9; 10]. Изначально Лакан относит эту стадию к важности становления идентичности у ребенка, делая акцент на символическом значении стадии зеркала и отмечая, что субъективная идентичность – это в своей основе дискурс. Лакан пишет: «Ликующее приятие своего зеркального образа существом, еще погруженным в моторное бессилие и зависимость от питания, каковым на этой стадии инфанс является младенец, отныне в образцовой ситуации проявит, на наш взгляд, ту символическую матрицу, в которой я оседает в первоначальной форме, прежде чем объективизироваться в диалектике идентификации с другим, и прежде чем язык всесторонне не воссоздаст ему функцию субъекта» [10].

Вывод о том, что парное противопоставление – это априорная структура, делает и К. Лоренц: «Разделение мира явлений на пары противоположностей есть врожденный принцип упорядочения, априорный принудительный стереотип мышления, изначально свойственный человеку» [14, с. 402]. Таким образом, имплозия будет характерной чертой не только процесса принятия решений, как у Н. Лэнда, но само по себе знание как таковое всегда подвергается имплозии, взрыву, направленному самому на себя. Это может служить убедительным доказательством, что если форма «и ...- и ...» всегда будет в системе маятника, то оппозиция «Свой-Чужой» (одно из представлений при нашей собственной идентификации и рефлексии) подвергается градации, а не простой констатации как

крайностей в процессе этой самой идентификации. Подобная градация преломляется в виде «Другого», у которого базовое отличие от «Чужого» лежит в сфере принятия субъективности, отличной от моей собственной.

Культурно-символическая база в информационном пространстве

В работе «Тысячеликий герой» Дж. Кэмпбелл, обобщая представление о мономифе и культурных символах, в конце приходит к выводу, что потенциально новый символ – сам человек [8, с. 471]. В духе метамодерна и отхода от критической парадигмы предшествующего постмодерна человек как индивидуальная единица формирует собственный миф о самом себе, где главный творец он сам же. Стоит отметить, что и подобный пересмотр символических оснований происходит в удивительный период формирования клипового мышления и клиповой культуры, которая основывается на постоянно сменяющихся друг друга образах, смыслах и символах. При этом социальные институты, основанные на культурных предпосылках и системе ценностей, не заложены в природе, а отдельно взятая система социальных институтов никогда не представлена как единственно возможная [11, с. 56-57]. Это вновь должно отсылать нас к ответственности перед встречей с другим субъектом.

Обусловленность использования новых символов может быть связана с представлениями все еще постмодерна об отказе от метанарративов, о чем писал Ж.-Ф. Лиотар [12; 13]. Таким образом, в духе Лиотара должна происходить смена восприятия и переживаний культурно-символических форм в силу распада большого метанарратива на локальные истории. Одна из вариаций метамодернизма в виде альтермодерна представляет это в виде «архипелага локальных реакций». Метамодернизм, будучи уже не критической парадигмой, возвращается к великим нарративам для их нового интеллектуального переосмысления. Т. Вермюлен говорит по этому поводу следующее: «Метамодернистское поколение колеблется между постмодернистским сомнением и современным стремлением к смыслу: к значениям, к направлению. Великие повествования столь же необходимы, сколь и проблематичны, надежда – это не просто то, чему можно не доверять, любовь – не обязательно то, над чем можно смеяться» [28].

Возникает ряд вопросов. Отказываются ли те или иные акторы политического пространства от метанарратива? По каким критериям мы определяем метанарративы и их важность для современных обществ, если при этом используем подход, в котором любые крайние точки существуют как максимумы для вечного подвижного маятника? Можно ли формировать единую систему с учетом и одновременным отказом от тотального характера

метанарратива. При этом, если согласиться, что мировое сообщество в целом движется, если и не к отказу от метанарратива, а как минимум к его переосмыслению, то культурно-символические формы подвергаются иному переживанию, будучи изначально фактором персональной идентификации «Я-Мы» и его преломления в виде «Я-Свой-Другой-Чужой».

Переходя к практической части исследования, введем тезис о том, что Иран, Израиль и Саудовская Аравия – страны, которые как раз-таки продолжают использовать метанарративы (Исламская революция, сионизм, образы Мекки и Медины как центров ислама). Информационный характер современного общества не оставляет сомнений, что трансляция вытекающих смыслов осуществляется благодаря информационному пространству, представленному в основном СМИ. Данный тезис находит свое воплощение на основании того факта, что именно эти государства образуют борьбу за доминирование и влияние в регионе либо в политическом, либо в экономическом аспекте. Взаимоотношения Саудовской Аравии и Ирана в целом можно охарактеризовать как «Холодная ближневосточная война». Другие же акторы Ближнего Востока попадают в «архипелаг локальных реакций», где принципиально важны билатеральные связи или двусторонние конфликты, каждый из которых образует определенное влияние на целостную систему региона.

Здесь же стоит выделить два уровня репрезентации существующих метанарративов:

1. Региональный уровень. Информация распространяется на языке говорящего большинства. Целевая аудитория определяется национальными, культурными и языковыми рамками.

2. Международный уровень. Характеризуется доступностью и моментальным переводом информации на различные языки. Целевая аудитория размывается. Появляется феномен «ложного распознавания». Наиболее активно этот кейс рассматривали исследователи Р. Адлер-Ниссен и А. Циновой [21]. Заимствуя ряд положений Ж. Лакана, результат исследования показывает, что с точки зрения теоретико-методологического анализа ложное представление о субъекте возникает по причине разрыва между национальной самоидентификацией и образом, создаваемым «Другими» [21]. Таким образом, нарушение регионального интерсубъективного пространства будет происходить со стороны внешней среды.

Точка преломления в отношениях «Свой-Чужие» – это постепенный отказ от метанарратива или сужение его как такового в государственной саморефлексии. Тогда появляется полиморфный контекст, задающий пространство идентификации. Отсюда

градация «Свой-Чужие». Важным выводом должен послужить факт, что нет никаких трендов или мегатрендов, которые бы обуславливали региональные или международные отношения.

Конфликт в духе конструктивизма остается в поле столкновения идентификаций при формировании «реальности для субъекта». Общий контекст региональных отношений выстраивается за счет формирования или стремления к такому формированию интерсубъективного поля отношений. Ключевая точка такого поля – принятие субъективности. Таким образом, например, Палестина и Израиль с разных сторон конфликта получают ограничения или претензии на ограничения субъектности, что мешает полноценному региональному сосуществованию. Подобные ограничения вырастают из столкновения идентичностей, которые несут за собой крупный метанарратив – Исламская революция или сионизм.

Таким образом, оппозиционные модели не могут иллюстрировать региональную реальность как таковую. Но оппозиционность, которую мы выделяем на основе культурно-символической поляризации, постоянно держит современного человека в пределах раскачивающегося маятника. Те или иные действия в области политики или экономики, принятие определенных решений с целью получения экономической выгоды или политической стабильности внутри национального государства заставляют колебаться тот самый метамодернистский маятник. Ключевая проблема здесь – онтологическая безопасность региональных акторов. Наиболее яркий пример подрыва такого вида безопасности – демонизация Израиля в иранских СМИ. Исключительное употребление выражения «сионистский режим» (رژیم صهیونیستی, rezhim-e sahyonisti). В таком виде прослеживается глубинный слом при столкновении двух идентичностей, транслирующих определенные метанарративы и находящиеся в глубокой оппозиции к друг другу.

Подводя итоги, отметим, что моделирование региональной системы сводится к концептуализации теоретических понятий, культурно-символических структур и методологии, которые предоставят возможность признавать или отрицать интерсубъективное пространство в очерченных исследователем рамках с опорой на официальную информацию, представленную в СМИ.

Библиографический список:

1. Бахтин М.М. Автор и герой: к философским основаниям гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. 336 с.
2. Буррио Н. Реляционная эстетика. Постпродукция. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 216 с.

3. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / пер. Б.Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
4. Гребенюк А.А. Культурно-исторический анализ переживаний человека эпохи метамодернизма [Электронный ресурс] // АНИ: педагогика и психология. 2019. №1 (26). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturno-istoricheskiy-analiz-perezhivaniy-cheloveka-epohi-metamodernizma> (Дата обращения: 15.01.2021).
5. Гусельцева М.С. Метамодернизм в психологии: новые методологические стратегии и изменения субъективности [Электронный ресурс] // Вестник СПбГУ. Серия 16: Психология. Педагогика. 2018. №4. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/metamodernizm-v-psihologii-novye-metodologicheskie-strategii-i-izmeneniya-subektivnosti> (Дата обращения: 15.01.2021).
6. Деррида Ж. О грамматологии / пер. Н. Автономовой. М.: Ад Маргинем, 2000. 511 с.
7. Деррида Ж. Письмо к японскому другу (пер. А. Гараджи) // Вопр. философии. 1992. № 4. С. 53-57.
8. Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой. СПб.: Питер, 2018. 480 с.
9. Лакан Ж. Тревога. Семинар, Книга 10 (1962-1963). М.: Гнозис, 2019. 432 с.
10. Лакан Ж. Стадия зеркала как образующая функцию я, какой она раскрывается в психоаналитическом опыте / пер. А. К. Черноглазова. М.: Логос, 1997.
11. Леви-Стросс К. Узнавать других. Антропология и проблемы современности / пер. Е.П. Чебучева. М.: «Текст», 2016. 160 с.
12. Лиотар Ж.-Ф. Постмодерн в изложении для детей [1988] / пер. А.В. Гараджи. М.: РГГУ, 2008.
13. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна М.: Институт экспериментальной социологии Спб.: Алетей, 1998. 160 с.
14. Лоренц К. Обратная сторона зеркала / пер. А.В. Гладкого. М.: Республика, 1998. 429 с.
15. Рикёр, П. Я - сам как другой. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2008 (французская философия XX века). 416 с.
16. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / пер. В.И. Колядко. М.: Республика, 2000. 639 с.
17. Сартр Ж.-П. Тошнота / пер. Ю.Я. Яхниной. Москва: Издательство «АСТ», 2018. 317 с.
18. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. В. В. Бибихина. Харьков: «Фолио», 2003. 503 с.
19. Юнг К. Г. Архетипы и коллективное бессознательное. М.: Издательство АСТ, 2021. 224 с.
20. Эпштейн А. Израильяне и палестинцы: от конфронтации – к переговорам и обратно. М.: Институт Ближнего Востока, 2009. 270 с.
21. Adler-Nissen R., Tsinovoi A. International misrecognition: The politics of humour and national identity in Israel's public diplomacy // European Journal of International Relations. 2018. Vol. 25, № 1. P. 1-27.
22. Bartholomew R. Altermodern: A Conversation with Nicolas Bourriaud [Electronic resource] // Art in America. 2009. URL: <http://www.artinamericamagazine.com/news-features/interviews/altermodern-a-conversation-with-nicolas-bourri-aud/> (Access: 15.01.2021).
23. Bourriaud N. The Radicant. New York: Lukas & Steinberg, 2009.
24. Land N. A quick and dirty introduction to accelerationism [Electronic resource]. URL: <https://jacobitemag.com/2017/05/25/a-quick-and-dirty-introduction-to-accelerationism/> (Access: 15.01.2021).
25. Levinas E. Ethique et l'infini. Paris : Poshe Biblio, 1982.
26. Turner L. The Manifesto of metamodernism [Electronic resource]. URL: <http://www.metamodernism.org/> (Access: 15.01.2021).
27. Vermeulen T., van den Akker R. Notes on metamodernism // Journal of Aesthetics and Culture. 2010. Vol. 2. P. 1-14.
28. Vermeulen T., van den Akker R. Utopia, Sort of: A Case Study in Metamodernism // Studia Neophilologica. 2015. Vol. 87 (1). P. 55-67.
29. Vermeulen T. Interview in TANK Magazine. In the press, Theory [Electronic resource] / By Editorial, 2012. URL: <http://www.metamodernism.com/2012/02/23/tank-interviews-timotheus-vermeulen-about-metamodernism/>

Voloshchuk O.S. Cultural and symbolic grounds for the "Friend-Foe" polarization in the information space

The article examines the theoretical foundations of postmodernism and metamodernism, which are potentially applicable to political studies. The nature of the transition from one methodology to another is described. The author reveals the understanding of the structure and model of "Friends and Foes" in the framework of the formation of a potentially new methodology and its implementation for a specific case – the conflict-prone Middle East.

Keywords: postmodernism, metamodernism, subjectivity, intersubjectivity, Middle East

УДК 327

Г. Е. Фадеичев

Политический образ России в медиапространстве Латинской Америки

Аннотация:

Развитие информационных технологий и средств коммуникации привело к существенному росту значимости СМИ и интернета для международного политического процесса. Формирование позитивного образа государства в информационной сфере становится особенно важным для выстраивания и совершенствования региональной внешнеполитической стратегии. Широкая распространенность в мире испанского языка и большой охват испаноязычных медиа делает репрезентацию образа России в регионе действительно значимой и влиятельной для дальнейших отношений. В статье рассматривается становление образа Российской Федерации в СМИ латиноамериканских государств и его особенности.

Ключевые слова: политический образ, СМИ, Латинская Америка, Россия, историко-культурные особенности

Об авторе: Фадеичев Григорий Евгеньевич, МГУ им. М. В. Ломоносова, магистрант кафедры информационного обеспечения внешней политики факультета мировой политики; эл. почта: fadeichevgrigoriy@gmail.com

Научный руководитель: Багдасарьян Надежда Гегамовна, доктор философских наук, профессор факультета мировой политики, кафедра информационного обеспечения внешней политики МГУ им. М. В. Ломоносова; эл почта: ngbagda@mail.ru

В свете нарастающей с 2014 г. конфронтации и санкционного противостояния со странами Европейского союза и США, страны Латиноамериканского региона приобретают особенную важность для России и в качестве торговых и экономических партнеров, и в качестве потенциальных военно-политических союзников. Это, в первую очередь, обусловлено совпадением взглядов на многополярное мировое устройство, как наилучшую его форму [2, с. 6]. В условиях широкого распространения СМИ и средств массовой коммуникации, их влияния на международные отношения формирование позитивного

образа государства в информационной сфере становится особенно важным для выстраивания и совершенствования региональной внешнеполитической стратегии.

Понятие политического образа включает в себя «отражение реальных характеристик объекта восприятия – политической власти, личности лидера, особенности той или иной политической партии, а также страны» [12]. Политический образ страны всегда складывается из множества компонентов и факторов и «представляет собой интегральную, многоуровневую, когнитивно сложную систему, обращаясь к процессам восприятия, памяти, мышления, формирования зрительных образов и других когнитивных процессов познающего субъекта» [3].

Исследование и изучение политического образа предполагает использование соответствующих методологических подходов. Среди них выделяют следующие: политико-психологический, политико-культурный, политико-коммуникативный и политико-географический [5]. При разборе выстраивания образа в СМИ наиболее удобными и подходящими видятся политико-культурный и политико-психологический подходы.

Благоприятным фактором для продуктивного выстраивания отношений между Россией и латиноамериканскими государствами ввиду значительной удаленности региона можно назвать отсутствие исторических взаимных претензий и противоречий. Это также способствует формированию объективно нейтрального или даже положительного образа России, рассматриваемой в регионе в качестве партнера. Имеют значение и историко-культурные особенности Латинской Америки и, в целом, негативное отношение населения стран региона к США, несмотря на долговременные экономические связи и даже определенную зависимость. Немаловажную роль в формировании внешнеполитического регионального имиджа играет тенденция «левого поворота» в Латинской Америке периода первых 10-15 лет XXI в., когда в большей части латиноамериканских государств к власти приходили правительства левого спектра, выстраивавшие модель нового социализма с региональным окрасом – «Социализм XXI века» [2]. Характерной внешнеполитической особенностью данной модели является антиимпериализм, представленный в виде традиционного антиамериканизма [7, с. 138-139]. В настоящее время левые правительства сохраняются в ряде латиноамериканских стран (например, Венесуэла, Мексика, Никарагуа), несмотря на появление новой тенденции «правого поворота» [11]. Именно «левые» Венесуэла и Никарагуа стали стратегическими союзниками России в регионе. Так,

оба этих государства официально признали независимость Южной Осетии и Абхазии [15; 21], а также принадлежность Крыма к России [16].

Из историко-культурных особенностей Латинской Америки, способствующих потенциально успешному сближению России с государствами региона и облегчающим выстраивание и корректировку образа в СМИ, можно выделить персонализацию государства, т.е. отождествление государства с его лидером [6]. Учитывая особенности российской политической культуры, в которой существует подобная ассоциация государства с его главой [9], это должно облегчать понимание латиноамериканскими партнерами мотивации и образа действий России, что также благотворно отражается на образе страны.

В общих чертах, среди государств Латинской Америки можно выделить страны, так или иначе симпатизирующие России и занимающие нейтральную позицию. Подобным образом можно и охарактеризовать настрой основных изданий. Выделяя общие черты, характерные для репрезентации образа России в латиноамериканских СМИ, необходимо отметить, что он складывается в основном из освещения участия России в важных международных событиях и в непосредственных двусторонних отношениях [10].

Среди международных событий, обширно освещавшихся в латиноамериканской прессе, и оказавших влияние на формирование и изменение имиджа России, явным образом выделяются важные и глобальные инфоповоды:

- Украинский кризис и последовавшая за ним конфронтация России и Запада (с 2014 г.).
- Чемпионат мира по футболу 2018 г. в России.
- Пандемия COVID-19 и распространение российской вакцины Sputnik V (2020-2021 гг.).

События 2014 г. значительно увеличили степень присутствия России в латиноамериканских СМИ, как из-за международной напряженности вокруг Украины, так и благодаря активизации дипломатических межгосударственных контактов. Так, в 2014 г. президент России В.В. Путин за одну неделю посетил ряд латиноамериканских государств (Аргентина, Никарагуа, Куба, Бразилия), проведя двусторонние встречи и заключив ряд договоров [2, с. 6-7].

Чемпионат мира по футболу 2018 г. стал для России прекрасной возможностью улучшить образ страны во всем мире. В Южной Америке трансляции репортажей и передач про Россию, непосредственно предварявших матчи, пользовались большой популярностью

[4]. Хотя освещение футбольного чемпионата не оказало большого влияния непосредственно на политический образ России, так как в основном информация носила общекультурный познавательный характер и содержала развенчание/подтверждение традиционных стереотипов, можно сказать, что все же положительное влияние на общее восприятие России в регионе оно возымело. И все же глобального переосмысления образа России не произошло: СМИ в целом придерживались нейтрального тона, отдельные издания освещали и политический аспект, представляя в том числе мнение российской оппозиции и стран Запада.

Наконец, успешные испытания и результативность российской вакцины Sputnik V привели к возрастанию международного спроса на ее закупку. Страны Латинской Америки не остались в стороне. В частности, вакцину закупили и зарегистрировали Аргентина, Боливия, Венесуэла, Гватемала, Гондурас, Мексика и Никарагуа [8]. Поставки вакцины широко освещаются национальными СМИ, что, несомненно, способствует общему укреплению имиджа России, демонстрируя достижения российской науки и создавая вокруг нашей страны образ «избавителя» от опасного вируса.

В частности, СМИ Венесуэлы опубликовали слова благодарности президента Николаса Мадуро в адрес России, подчеркнув важность сотрудничества в борьбе с COVID-19, как части стратегического партнерства [17]. СМИ Аргентины, которая стала первой в мире страной за пределами СНГ, зарегистрировавшей вакцину Sputnik V, уделяют большое внимание характеристикам вакцины [20] и объемам ее поставок в страну [13; 19].

В то же время российские внутривнутриполитические события, на которые обращено внимание европейских и американских СМИ, такой важной роли в Латинской Америке не играют, за исключением самых громких происшествий. Причиной этому может быть географическая удаленность, а также некоторая отстраненность от «эпицентра» информационного противоборства США и России.

При этом не следует недооценивать влияния США в этом регионе. Так, в тех государствах, которые рассматривают США как опору или союзника (например, Колумбия), СМИ могут отображать новостную повестку, связанную с Россией, так или иначе, с проамериканских позиций.

Это можно рассмотреть на конкретном примере. Колумбийское издание «*Semana*» за февраль – март 2021 г. опубликовало 16 статей, прямым или косвенным образом связанных с делом Алексея Навального, в то время как венесуэльский «*El Universal*», независимое издание, достаточно критически оценивающее действия Мадуро – только

четыре за тот же временной отрезок (отбор проводился по ключевому слову “Rusia”) [14; 18]. При этом материалы колумбийского издания содержали больше критических оценок о ходе дела и возможных нарушениях, в то время как венесуэльское опубликовало нейтральные информационные заметки.

Отметим, однако, что даже при негативной риторике в адрес России по отдельным событиям, общий образ нашей страны не сводится исключительно к демонизации, но может быть охарактеризован в целом как деловой. Таким образом, даже несмотря на большое влияние США в регионе, удастся сохранять восприятие России как выгодного партнера в экономической сфере. При этом цельный и устоявшийся медиаобраз России в латиноамериканских СМИ до конца еще не сформирован, что дает определенное пространство для его корректировки и улучшения.

Библиографический список:

1. Абрамова М.Г. Политико-правовые основы латиноамериканской концепции «Социализм XXI века» // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2014. №2. С. 80-92.
2. Аветисян Э.Г. Влияние западных санкций на отношения России и Латинской Америки // Актуальные проблемы современных международных отношений. 2016. С. 6-10.
3. Багдасарьян Н.Г., Гаврилина Е.А., Зенько А.А. Россия в зеркале Европы: образ России в Европейских СМИ // Россия и Европа. Россия в зеркале Европы / сост. А.Л. Андреев. – М.: Вече. 2014. 272 с.
4. Буйнова К.Р. Образ России в Латинской Америке в период проведения Чемпионата мира по футболу 2018 г. // Латинская Америка. 2020. №3. С. 99-107.
5. Джагамадзе К.Б. Теоретико-методологические особенности изучения образа страны в массовом сознании // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. №3 (63). С. 40-44.
6. Коваль Б.И., Дьякова Л.А. Латинская Америка с удивлением смотрим на Росси [Электронный ресурс] // Латинская Америка. 2006. № 12. С. 4-14. Режим доступа: <https://proxylibrary.hse.ru:3745/browse/doc/11382960?searchLink=%2Fsearch%2Fsimple> (Дата обращения: 15.01.2021).
7. Неверов К.А., Мутагиров Д.З. «Левый поворот» в Латинской Америке и его влияние на международные политические процессы на континенте: дис. ... кандидата политических наук: 23.00.04 / Неверов Кирилл Алексеевич. СПб, 2015. 209 с.
8. Помощь в руку: «Спутник V» одобрили почти в 60 странах мира [Электронный ресурс] // Известия. Режим доступа: <https://iz.ru/1141138/dmitrii-alekseev/pomoshch-v-ruku-sputnik-v-odobrili-rochti-v-60-stranakh-mira> (Дата обращения: 20.03.2021).
9. Романович Н. К вопросу о персонификации власти в России // Власть. 2009. №9. С. 13-16.
10. Тищенко А.С. Интерпретация образа современной России в СМИ стран Латинской Америки (на примере изданий Clarín – Аргентина, El Tiempo, El Reforma – Мексика): маг. дис ... М., 2017.
11. Хейфец В.Л. Латинская Америка: правый шторм для «Левого поворота» // Вестник РУДН. 2015. Т. 15, №4. С. 45-55.
12. Шестопап Е.Б. Образ и имидж в политическом восприятии: актуальные проблемы исследования // Образы государств, наций и лидеров / под редакцией Е.Б. Шестопап. М.: Аспект Пресс, 2008.
13. Coronavirus: aterrizó un nuevo vuelo de Aerolíneas con 300.000 dosis de la vacuna Sputnik [Electronic resource] // La Nación. URL: <https://www.lanacion.com.ar/sociedad/coronavirus-aterrizo-un-nuevo-vuelo-de-aerolineas-con-300000-dosis-de-la-vacuna-sputnik-nid30032021/> (Access: 20.03.2021).

14. El Universal (Buscador: “Rusia”) [Electronic resource]. URL: <https://www.eluniversal.com/buscador> (Access: 20.03.2021).
15. Nicaragua reconoce a Abjasia y a Osetia del Sur [Electronic resource] // La Nación. URL: <https://www.nacion.com/el-mundo/nicaragua-reconoce-a-abjasia-y-a-osetia-del-sur/3DRIYYFRPBDB3D73GH3A2YTAEE/story/> (Access: 20.03.2021).
16. Nicaragua reconoce la anexión de Crimea a Rusia, sumándose a Venezuela y Siria [Electronic resource]. URL: https://www.teinteresa.es/mundo/Nicaragua-comunidad-internacional-Crimea-Rusia_0_1109291179.html (Access: 20.03.2021).
17. Presidente Maduro agradece a su par de Rusia suministro de la vacuna Sputnik V [Electronic resource] // El Universal. URL: <https://www.eluniversal.com/politica/90797/presidente-maduro-agradece-a-su-par-de-rusia-suministro-de-la-vacuna-sputnik-v> (Access: 20.03.2021).
18. Semana (Buscador: “Rusia”) [Electronic resource]. URL: <https://www.semana.com/buscador/> (Access: 20.03.2021).
19. Un avión de Aerolíneas Argentinas partió hacia Rusia para buscar nuevas dosis de la vacuna Sputnik V [Electronic resource] // La Nación URL: <https://www.lanacion.com.ar/politica/un-avion-de-aerolineas-argentinas-partira-hacia-rusia-para-buscar-nuevas-dosis-de-la-vacuna-sputnik-nid17032021/> (Access: 20.03.2021).
20. Vacuna de Sputnik V: cuál es su grado de efectividad, sus efectos adversos y cuántas dosis requiere [Electronic resource] // La Nación. URL: <https://www.lanacion.com.ar/salud/vacuna-de-sputnik-v-cual-es-su-grado-de-efectividad-sus-efectos-adversos-y-cuantas-dosis-requiere-nid31032021/> (Access: 20.03.2021).
21. Venezuela reconoce las independencias de Abjasia y Osetia del Sur [Electronic resource] // La Información. URL: https://www.lainformacion.com/espana/venezuela-reconoce-las-independencias-de-abjasia-y-osetia-del-sur_8iRPu1szYrBANIUUxnS95/ (Access: 20.03.2021).

Fadeichev G. Political image of Russia in Latin American media space

Recently the development of informational technologies and means of communication has led to a noticeable growth of media and Internet importance for the international political process. Thus the external media representation of state’s political image and its activity in the international arena has great significance.

Wide spread of Spanish language and large Spanish speaking media coverage makes the representation of Russia’s image in the region truly significant and influential for the elaboration of regional foreign political strategy. This article tackles the forming of Russian Federation image in Latin American media and its features.

Keywords: political image, media, Latin America, Russia, historical and cultural features

УДК 316

Ю. Д. Заковряжина

Национальный менталитет в призме традиций и модерна (на примере Японии)

Аннотация:

В современном мире существует множество международных акторов, наделенных своим неповторимым национальным характером, зачастую разительно отличающимся от национального колорита других участников международных отношений. В статье представлена попытка проанализировать истоки уникальности национального менталитета и раскрыть причины формирования определенных этических норм в обществе на примере Японии. Проследив эволюцию традиционных культурных и поведенческих установок, автор делает вывод о закономерностях развития японского уклада жизни.

Ключевые слова: национальный менталитет, традиции и современность, культура Японии, социальные нормы, японское общество

Об авторе: Заковряжина Юлия Дмитриевна, МГУ им. М.В. Ломоносова, студентка 4-го курса кафедры информационного обеспечения внешней политики факультета мировой политики; эл. почта: julia1308@inbox.ru

Научный руководитель: Багдасарьян Надежда Гегамовна, доктор философских наук, профессор факультета мировой политики, кафедра информационного обеспечения внешней политики МГУ им. М. В. Ломоносова; эл почта: ngbagda@mail.ru

Формы и инструменты международной коммуникации в XXI в. претерпели значительные изменения. Диалог культур, долгое время отодвигаемый на второй план во время биполярного противостояния и гонки вооружений, в наше время играет подчас определяющую роль в системе глобального взаимодействия. Международная арена пестрит разнообразием культур и менталитетов, изучением которых занимаются многие исследователи. Возникновение тех или иных социальных норм и установок может быть вполне закономерным для отдельно взятой страны, в то время как для общества другого типа они могут казаться нежизнеспособными и бессмысленными. Как следствие, отношение к одним и тем же явлениям, ценностям и процессам у людей с разных точек

земного шара может в корне отличаться. Однако, что именно обуславливает такую разницу менталитетов?

«Менталитет» - весьма востребованное в современном социальном знании понятие, объединяющее в себе многие смысловые значения, и потому оно имеет разнообразные трактовки в зависимости от исследовательских задач и используемой методологии. Так, в толковом словаре Ожегова менталитету дано краткое определение «мировосприятие» [10], тогда как «Словарь социолингвистических терминов» рассматривает менталитет в качестве «свойственного данному народу склада мышления, характеризующимся постоянством, неизменностью» [7, с. 116]. Обращаясь к мнению отдельных отечественных исследователей, можно отметить, что одно из наиболее полных определений содержится в работе профессора Н. Н. Губанова. Он определяет менталитет как возникшую «на основе генотипа под влиянием природной и социальной среды и в результате собственного духовного творчества субъекта систему качественных и количественных социально-психологических особенностей человека или социальной общности» [3, с. 24]. Еще одна попытка дать определение менталитету была сделана в работе С. В. Вальцева. По его мнению, «менталитет – наиболее глубокие и устойчивые к изменению мировоззренческие конструкты, которые детерминируют проявление элементов национальной психологии и тем самым существенным образом влияют на конфигурацию всей национальной психологии» [2, с. 3].

В сфере межкультурной коммуникации понятие менталитета неразрывно связано с культурным аспектом, включающим религиозные, политические, социальные ценности и нормы, присущие тому или иному обществу. Эти моменты и выступают маркерами национальной самоидентификации. Некоторые особенности национального характера, такие как мировоззрение, отношение к религии и т.д., могут быть скрыты, в то время как другие особенности ярко выражаются в одежде, манере речи, вкусовых предпочтениях.

Важную роль в становлении особого культурного пространства и уклада жизни играет целый ряд внешних и внутренних факторов, многовековой опыт и окружающая среда. Считается, что в контексте формирования национального менталитета системообразующими являются такие характеристики как:

- Природно-климатические условия.
- Доминирующий способ производства.
- Религиозный фактор.
- Исторический контекст.
- Политическая среда.

- Социальный капитал.

Несмотря на то, что точкой отсчета того или иного процесса, обусловленного перечисленными выше факторами, может служить событие, произошедшее в далеком прошлом, оно, с определенной долей вероятности, повлияет на то, что в итоге современный человек назовет высоконравственным и благородным, а что будет считать неэтичным и вульгарным. Тем не менее, социальная среда и политическая атмосфера со временем трансформируются и дают начало новым тенденциям в культурной и общественной жизни. Ярким представителем дихотомии «многовековые традиции – современная культура» выступает японское общество.

Япония – государство, где сосуществуют исконно азиатский и западный дух, высокие небоскребы возводятся рядом с синтоистскими и буддистскими храмами, а среди местных жителей в равной степени можно встретить и людей в официальных костюмах, и прохожих, облаченных в традиционные одежды. Яркая культура страны восходящего солнца привлекает внимание иностранцев, порождая множество стереотипов о Японии и японцах за рубежом. Согласно самым популярным из них, Япония – страна цветущей сакуры и самураев, родина чайной церемонии, сумо и игры в го. В то же время, среди молодежи Япония больше известна как место возникновения особых поп-культурных феноменов (аниме, манги, современной японской моды и т.д.). Несмотря на то, что широкое присутствие экстравагантной поп-культуры в обществе, где все еще сильны традиционные устои, может показаться парадоксом, это, на самом деле, вполне естественно, так как современная японская культура – это продолжение классической. Однако для более глубокого понимания японской культуры и более детального изучения национального менталитета японцев, стоит проанализировать истоки их формирования.

Обратимся, прежде всего, к *природно-климатическим и географическим характеристикам* государства. Страна восходящего солнца расположена на японском архипелаге и включает более 6800 островов, четыре из которых (Хоккайдо, Хонсю, Кюсю и Сикоку) составляют 97% от общей площади архипелага. Япония расположена в сейсмически опасной зоне, вследствие чего крайне подвержена различного рода стихийным бедствиям: цунами, тайфунам, извержениям вулканов и наводнениям. Все это – непростая реальность, с которой приходится сталкиваться японцам время от времени, не говоря уже о землетрясениях, количество которых может достигать, по различным подсчетам, до 1000 происшествий в год. Японцы с древних времен искали способы ужиться с разрушающей силой природы, что впоследствии обусловило воспитание в них таких качеств как стремление к гармонии с природой, хладнокровность, мужественность и

уравновешенность. Считается, что именно такие черты характера помогли предкам современных японцев выживать и развиваться [9, с. 47].

Безусловно, природно-климатические характеристики в значительной степени влияют на становление системы хозяйствования и на выбор *основного способа производства*. Несмотря на то, что площадь Японии составляет более 370 тыс. км², для ведения хозяйства пригодно лишь 20% территории. В стране преобладает влажный климат с большим количеством осадков, идеальный для выращивания риса, а выход к морю обеспечивает развитие рыболовного промысла.

Помимо того, что доминирующие хозяйственные отрасли сформировали основу национальной японской кухни, они также определили характер взаимоотношений в японском обществе. Например, общинная работа на рисовых полях стала источником японского коллективизма. Вследствие многолетней работы в больших коллективах, японцы стали выводить различные классификации, стремясь причислить себя к той или иной группе, и это служило главным способом индивидуальной самоидентификации. Противопоставления «свой-чужой» («ути – сото») [4, с. 60] и «высший-низший» [1, с. 78], оно же известно как «старший-младший» («сэмпай-кохай»), плотно укрепились в японском обществе и по праву считаются фундаментом японского менталитета. В «своей» группе японец получал защиту и поддержку в обмен на уважение правил группы, безусловное подчинение старшим и обязательство ставить коллективные интересы выше личных.

Вследствие своей географической, а в ходе истории еще и политической (период «сакоку»), изолированности стране также присуща моноэтничность и высокая плотность населения. В настоящее время в Японии проживает около 126 млн. чел. [12], плотность населения – 335 чел./м², этнические японцы составляют почти 99% от общего числа резидентов. В таких условиях люди стремятся защитить свое личное пространство и максимально отгородиться от давящего внешнего влияния, что еще четче проводит границу между «своим» и «чужим».

Способствовало усилению разграничений и *историческое развитие* Японии. Японская история насчитывает более 2,5 тыс. лет. За такой длительный период своего существования страна пережила множество важных исторических этапов: становление древних государств Яёй и Ямато; период клановых войн и феодальной раздробленности; политика сёгуната; период самоизоляции Японии; эпоха масштабных реформ императора Мэйдзи, сопровождавшаяся значительной вестернизацией японского общества; предвоенная милитаризация; две мировые войны. В политических кругах принято относить Японию к числу государств-одиночек, потому как на протяжении долгих лет страна мало

контактировала с окружающим миром и практически не имела традиционных союзников. К тому же, у Японии нет сухопутных границ с другими государствами, так как она со всех сторон окружена Тихим океаном. Ближайшие государства-соседи Японии – Российская Федерация, Китайская Народная Республика, а также государства Корейского полуострова (Республика Корея и Корейская Народно-Демократическая Республика).

Несмотря на географическую близость России и Японии история российско-японских отношений не такая долгая и насыщенная, как история японо-китайских и японо-корейских связей. Главным образом на Японии отразилось китайское влияние: в первом тысячелетии из Китая были импортированы письменность, религия, основные моральные постулаты, культурные ценности и др. Однако, стремясь к полной, как политической, так и духовной независимости, японцы начали преобразовать все иностранное, добавляя свою национальную специфику, в результате чего нынешняя японская культура не похожа ни на одну другую.

Значительно повлияла на японский менталитет и ранее упомянутая эпоха «сакоку», известная как «эпоха самоизоляции Японии», когда страна восходящего солнца более, чем на 200 лет закрыла свои границы и оборвала все внешнеполитические связи, сосредоточившись на внутренних делах [5, с. 46]. Данный период характеризуется запретом на изучение иностранных языков, общение с иностранцами и выезд из страны, вследствие чего многие молодые японцы стали адептами ксенофобии. В наши дни пренебрежительное отношение к иностранцам практически изжило себя, хотя националистические настроения все еще существуют в некоторых японских провинциях. Тем не менее, период «сакоку» принес определенную пользу японскому обществу. В условиях мира и отсутствия внешнего давления японская культура стала расцветать. Особенно активно начали развиваться различные виды самобытного японского искусства, такие как театр кабуки, чайная церемония, живопись тушью, икебана, поэзия хайку и многое другое.

Существенное влияние на формирование японского менталитета оказало и особое отношение японцев к *религии*. Считается, что исконно японской религией является учение синто или, как его обычно называют, синтоизм. Синтоизм представляет собой политеистический религиозный культ, основанный на поклонении силам природы и почитании душ умерших. Учение синто – неотъемлемая часть общественной жизни Японии, пронизывающая различные ее сферы. Так как синтоизм не требует ежедневного выполнения особых обрядов, японцы относятся к нему, как к естественной части их существования: они посещают синтоистские храмы перед особыми событиями и молятся за успешное их завершение, за хороший урожай и за карьерный рост. Синтоистский храм –

это место, где можно загадать желание или проверить свою удачу, вытянув листок с предсказанием (омикудзи). Перед входом в синтоистский храм принято омыwać руки водой. Издавна японцы придавали большое значение личной гигиене и чистоте в доме, что можно наблюдать и в наши дни. Возвращаясь к вопросам религии, нужно отметить, что синтоистские праздники призваны продемонстрировать весь колорит традиционной японской культуры: они сопровождаются яркими уличными фестивалями и различными церемониями.

Отдельное место в синтоизме занимает культ предков. Согласно синтоистским парадигмам, после смерти человек становится божеством, которое еще некоторое время находится в мире живых. Для того, чтобы умерший не обратился в злого духа, его память нужно регулярно почитать [6, с. 168]. Путь человека с рождения и до обращения в божество с точки зрения синтоизма можно рассматривать как лестницу жизненных этапов, предстоящих пройти каждой душе. Такие убеждения стали одной из причин появления разграничения «старший – младший». Чем старше человек, тем более опытным и уважаемым он выглядит в глазах японцев. Общество требует от молодежи использования особенной уважительной лексики и соответствующего поведения по отношению к старшим людям.

Помимо синтоизма в ходе истории на японское общество значительное влияние оказывали пришедшие с материка буддизм и конфуцианство. Они повлияли не только на духовные постулаты японцев, но и на некоторые бытовые сферы. Например, буддизм не поощряет убийство животных и употребление их мяса в пищу, что повлияло на национальную кухню. Употребление мяса не запрещено и не порицаемо в современной Японии, однако оно не так часто используется для приготовления традиционных блюд, уступая по популярности морепродуктам.

При этом в Японии распространено такое явление, как религиозный синкретизм, т.е. причисление себя к последователям двух или более вероучений. Многие японцы считают себя и синтоистами, и буддистами, заявляя, что синто – учение о земной жизни, а буддизм – об ином мире [9, с. 49]. Так, японцы могут ходить молиться в синтоистский храм за свой успех, обвенчаться в христианской церкви и провести похоронную процессию в буддистском храме.

Политическая среда также сыграла большую роль как фактор развития японской цивилизации. Так или иначе, государство оказывает прямое влияние на установление норм в обществе, оно поддерживает определенные моральные установки и, в итоге, возводит их в ранг национального закона. Кроме того, политика и культура, по большей части – звенья

одной цепи: государством руководят люди, воспитанные в определенном обществе, и впитавшие в себя его моральные ориентиры.

Ранее уже был упомянут пример влияния политического режима в период закрытия страны на японскую культуру, а впоследствии, и на национальный менталитет в целом. Пришедшая на смену политика императора Мэйдзи, напротив, пыталась ввести в обиход элементы западного уклада жизни. Давая определенный толчок к воспитанию тех или иных качеств в молодежи, политическая ситуация в стране напрямую отражается и на качестве культурных феноменов, характеризующих целую эпоху. Так, во время милитаризации Японии произведения искусства использовались для пропаганды идеи о превосходстве японской нации над остальными азиатскими народами, через живопись транслировались политические и военные лозунги, а фильмы того времени были посвящены героизму японских военных. Считается, что как раз на этот период приходится премьера первой анимационной картины, выполненной в стиле аниме, которая была посвящена событиям в Перл-Харбор.

После поражения Японии во Второй мировой войне в стране была принята новая конституция, в которой Япония провозглашала отказ от ведения войны как суверенного права нации. Интересный парадокс заключался в том, что японская история провела страну восходящего солнца через множество кровопролитных войн, политику военной диктатуры и период доминирования самурайской идеологии, привив японскому народу воинственность, которую с момента взятия курса на культуру пацифизма нужно перенаправлять в невоенные русла.

Обращаясь к политическим реалиям современной Японии, нужно упомянуть, что японские власти, наряду с бизнес-кругами, являются крупнейшими пропагандистами японской культуры за рубежом. Например, Таро Асо, бывший министр иностранных дел и премьер-министр Японии (ныне – министр финансов) стал одним из первых политических лидеров, взявшим курс на популяризацию японской традиционной и современной культуры за рубежом. Будучи преданным поклонником жанра манга (японского аналога комиксов), он инициировал создание международной премии манга и, более того, подтвердил необходимость продвижения японской поп-культуры за рубежом в своей программной речи «Новый взгляд на культурную дипломатию» [8]. Правительство и министерства Японии спонсируют различные культурные центры, образовательные программы, фестивали японской культуры, проекты по продвижению японской кухни за рубежом и др. Логично предположить, что в условиях ограниченного суверенитета

культурная экспансия – один из наиболее надежных и эффективных методов ведения внешней политики.

Подводя черту, можно констатировать, что все упомянутые особенности развития страны и сформировали японский *социальный капитал*. Понятие национального менталитета напрямую связано с вопросами воспитания и поддержки определенных ценностей. В силу особых природно-климатических условий, исторического контекста развития страны, доминирующей системы хозяйствования, религиозного влияния японский национальный характер знаменуется стремлением к гармонии с природой, выведением полярных разграничений, иерархичностью и высокой дисциплинированностью.

Важное место занимают и такие характерные для японцев черты как трудоголизм и стремление к совершенствованию своих навыков в той или иной области. Стремясь овладеть каким-либо искусством, японцы обращают внимание, прежде всего, на форму и способ выполнения действий. Упор делается не на суть действия, а на способ его выполнения. Считается, что ежедневные правильные тренировки (т.е. тренировки по всем правилам, без отклонений от нормы) – ключ к мастерству [11, с. 2]. Кроме того, в высококонтекстуальном японском обществе большое значение придается соблюдению особых коммуникационных ритуалов (поклонам, рукопожатиям и др.), правильному использованию разговорной и вежливой лексики, вопросам субординации. Японцев с детства обучают тому, какую лексику уместно использовать по отношению к определенному человеку, под каким углом нужно кланяться в той или иной ситуации, за что нужно извиняться или благодарить.

Японское общество довольно закрыто и не поощряет прямолинейность и публичное выражение негативных чувств. Это привело к возникновению еще одного разграничения, «татэмаэ – хоннэ», определяющего контраст между имиджем человека в обществе и его настоящим «я». Нередко высказывание своих настоящих мыслей и намерений в обществе, классифицируемом японцем как «сото» (чужой, внешний), может задеть или оскорбить чувства других людей. Так как позор и отвержение окружающих считаются непосильной ношей, японцы стремятся к идеальной репутации и признанию в обществе.

Несмотря на то, что национальный менталитет в целом характеризуется неизменностью, со временем уклад жизни в обществе меняется. Примерно с середины прошлого века усилилось влияние внешнего фактора, японское общество постепенно начало открываться миру и перенимать некоторые западные нормы и ценности. Так, в современной Японии традиционные праздники отмечаются наравне с западными (например, многие японцы отмечают католическое Рождество). Под влиянием новых

тенденций в моде и музыке сформировалась особая японская поп-культура, которая вобрала в себя и типично японские, и западные характеристики. Можно заметить, что, современная японская культура в значительной степени отличается от национальной японской классики. Однако она не вступает в противоборство с традициями, а, скорее, наоборот – выступает естественным продолжением классического искусства. В целом, массовая культура хоть и в большей степени подвержена коммерциализации и идеологизации, обращает внимание широкой аудитории на насущные проблемы в обществе и открывает путь к более глубокому пониманию национального менталитета.

Современная культура не только берет свое начало в традиционном искусстве, но и дополняет его. Так, например, аниме и манга, относящиеся, скорее, к поп-культуре, чем к традиционному искусству, нередко иллюстрируют, как японцы занимаются традиционными видами спорта (стрельбой из лука, восточными единоборствами и т.д.), посещают синтоистские храмы, едят бэнто (еду, упакованную в деревянную коробку) и носят кимоно, а продолжатели древних японских традиций в различных сферах искусства, в свою очередь, продюсируют постановки в театрах кабуки по мотивам знаменитых аниме, рисуют картины с изображениями популярных персонажей манги и видео-игр в традиционном стиле укиё-э и т.д.

Можно утверждать, что основная особенность японской культуры состоит в ее гибкости и современном характере, в ее способности привлечь целевую аудиторию к изучению своего национального языка, традиций и уклада жизни. Именно через анализ истоков своеобразия японской культуры, сопоставление роли традиций и модерна в обществе, а также через внимательное наблюдение за поведением японцев лежит путь к пониманию загадочного японского менталитета.

Библиографический список:

1. Алпатов В.М. Язык и общество: монография. М.: Институт востоковедения РАН. 2003. 136 с.
2. Вальцев С.В. Национальный менталитет как предмет этнопсихологического исследования // Проблемы современной науки и образования. 2012. №9. С. 1-4.
3. Губанов Н.И., Губанов Н.Н. Менталитет: сущность и функционирование в обществе // Вопросы философии. 2013. №2. С. 22-32.
4. Гуревич Т.М. Человек в японском лингвокультурном пространстве: монография / Т. М. Гуревич. М.: МГИМО-Университет, 2005. 201 с.
5. Ковригин Е.Б. Геополитическая история Японии / отв. ред. Резин О.М. / Институт экономических исследований ДВО РАН. – Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН. 2018. 153 с.
6. Кожевников В.В. Синто и национализм в Японии (проблема храма Ясукуни) // Россия и АТР. 2014. №4. С. 166-179.
7. Кожемякина В.А., Колесник Н.Г., Крючкова Т.Б. Словарь социолингвистических терминов / отв. ред. В.Ю. Михальченко / Институт языкознания РАН. - М.: АИРО-XXI. 2006. 312 с.
8. Об учреждении международной премии манга [Электронный ресурс] // Генеральное консульство Японии во Владивостоке [официальный сайт] / Культура и образование / Пресс релиз.

- Май 2007. Режим доступа: <https://www.vladivostok.ru.emb-japan.go.jp/rus/culture-and-education/news/20070607161403/index.html> (Дата обращения: 25.02.2021).
9. Орлянская Т.Г. Истоки своеобразия японской культуры // Вестник Московского университета. Сер. 9. Лингвистика и международная коммуникация. 2009. №4. – С. 46.
10. Толковый словарь Ожегова онлайн [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=14212> (Дата обращения: 22.02.2021).
11. Lafayette De Mente В. Behind the Japanese Bow: an in-depth guide to understanding and predicting Japanese behavior. USA, 1993. 147 p.
12. Statistics Bureau of Japan [Electronic resource]. URL: <http://www.stat.go.jp/english/data/jinsui/tsuki/index.html> (Access: 24.02.2021).

Zakovriazhina I.D. National mentality in a prism of traditions and modernity (on the example of Japan)

In the modern world there are many international actors endowed with their own unique national character, which is often strikingly different from the national charm of other participants of international relations. The article presents an attempt to analyze the origins of the uniqueness of national mentality and reveal the reasons for the formation of certain ethical norms in society using the example of Japan. By tracking the evolution of traditional cultural and behavioral attitudes, the author concludes about the patterns of development of the Japanese way of life.

Key words: national mentality, traditions and modernity, culture of Japan, social norms, Japanese society

Образование и развитие личности

УДК 37

В. С. Кошик

Трансдисциплинарность как вектор проектирования образовательных программ

Аннотация:

Взрывной рост объема информации делает неотвратимым изменение парадигмы современного инженерного образования, что требует перехода от междисциплинарности к трансдисциплинарности. В трансдисциплинарных исследованиях происходит перенос когнитивных схем из одной дисциплинарной области в другую, тем самым создаются возможности для совместных проектов исследования. Трансдисциплинарность в инженерном образовании можно считать одним из путей реализации известного тезиса «научить учиться», т.е. научить самому себе ставить образовательные цели, а также добывать и использовать нужную информацию. Можно утверждать, что принцип трансдисциплинарности и должен служить основой современной парадигмы инженерного образования, т.е. освоения в процессе обучения определенных генеральных метафор, имеющих фундаментальное познавательное значение и открывающих обширные возможности для взаимодействия различных дисциплин при решении комплексных проблем природы и общества.

Ключевые слова: инженерное образование, проектирование образовательных программ, новая парадигма, междисциплинарность, трансдисциплинарность

Об авторе: Кошик Виктор Сергеевич, МГТУ им. Н.Э. Баумана, аспирант; эл. почта koshikvictor@yandex.ru

В число серьезнейших проблем современного образования входит взрывной рост объема информации, подлежащей рассмотрению, усвоению и преобразованию в знания. Это явление делает неотвратимым изменение парадигмы современного высшего образования, и в первую очередь инженерного, являющегося проекцией интенсивного развития критических технологий.

Цель новой образовательной парадигмы – повышение эффективности образовательных технологий, т.е. расширение спектра планируемых результатов обучения и повышение их уровня в рамках заданных ресурсов времени и средств. В этой связи

представляет интерес классификация существующих научных подходов, где в качестве критерия выбрана степень полноты познания окружающего мира. Подходы сведены к четырем основным видам.

Главное место в этой своеобразной классификации занимает дисциплинарный подход, являющийся основой традиционной системы инженерного образования. Этот подход предусматривает разделение многообразного объема знаний образовательной программы на отдельные области со специализированным предметом изучения. При этом, обозначив эти области как «предмет своего исследования», дисциплинарный подход превращает студента в специалиста в конкретной области. Поэтому ученые стремятся сохранить образ дисциплины, как и дисциплинарную методологию его исследования. Однако такое стремление зачастую превращает литературную метафору «стык дисциплин» в реальную непреодолимую границу «дисциплинарных коробок».

При решении задач, находящихся на стыке научных дисциплин, возникают проблемы, которые приходится решать, расширяя предметную область. В результате появляются междисциплинарные учебные курсы и научные дисциплины. В многочисленных исследованиях явления междисциплинарности сложились общие подходы и разделение ее на такие типы, как мультидисциплинарность, междисциплинарность и трансдисциплинарность.

Мультидисциплинарность (multidisciplinarity) или полидисциплинарность проявляются при исследовании феномена или объекта (например, человек, планета Земля, и т.д.), при котором объект изучается одновременно несколькими научными дисциплинами с разных сторон. Мультидисциплинарность – это неинтегративная смесь дисциплин, в которой каждая дисциплина сохраняет собственную методологию и собственные теоретические допущения, не видоизменяя и не дополняя их, подвергаясь воздействию со стороны других дисциплин.

Междисциплинарность предусматривает при обучении включение методологии и языка нескольких дисциплин для рассмотрения центральной темы, проблемы, события. Цитируя Х. Якобса (Jacobs H.H.), Е. А. Бушковская отмечает, что междисциплинарность не ставит акценты на ограничение знаний, а сосредотачивается на взаимоотношениях и связях между различными дисциплинами, которые изучают свой предмет, чем отличается от традиционного взгляда на знания отдельной дисциплины [2].

Междисциплинарный подход в педагогике определяется Е. И. Снопковой как «круг проблем, решаемых внутри педагогической науки с целью преодоления системы методологических ограничений, мешающих ее развитию в соответствии с динамикой науки

в истории развития человеческого общества и культуры, изменчивостью норм, стратегий, критериев, программ исследовательской деятельности» [16].

Э.М. Мирский выделяет 3 вида проблем, решаемых в процессе междисциплинарного обучения:

- методологическая (формирование объекта изучения в разных предметных проекциях);
- организационная (создание сети коммуникаций представителей разных научных дисциплин);
- информационная (передача прикладных результатов обучения в практику принятия решений и их воплощения, передача научных результатов для экспертизы в системе дисциплинарного знания) [13, с. 17].

Использование междисциплинарных связей в преподавании технических дисциплин входит в число наиболее перспективных образовательных технологий, все более широко применяемых в инженерном образовании. Этот подход позволяет обозначить причинно-следственные связи между несколькими техническими и естественными дисциплинами [7], повысить эффективность преподавания за счет сокращения затрат на лаборатории, программное обеспечение, полигоны, и при этом – повысить качество подготовки специалистов [11].

Е. Н. Князева отмечает, что «междисциплинарность сплавляет различные теоретические допущения, методологии и практики, которые приходят от вовлекаемых в научное исследование дисциплин» [5]. В свою очередь, «трандисциплинарность» характеризует исследования, устремленные «через», «сквозь» дисциплинарные границы, выходящие «за рамки» конкретных научных дисциплин. Тем самым создается холистическое видение предмета исследования.

Развивая переход от междисциплинарности к трандисциплинарности, Е. Н. Князева отмечает, что для трандисциплинарных исследований характерен перенос когнитивных схем из одной дисциплинарной области в другую, и создание возможности для совместных проектов исследования [4].

Е. А. Солодова формулирует ключевое положение, наиболее важное для образовательной деятельности: «Методология трандисциплинарности базируется на идее свертки, сжатия информации, являющейся фундаментальной для целого ряда научных дисциплин и основанной на обнаружении общих закономерностей развития любого научного знания. Таким образом, трандисциплинарный подход открывает наиболее эффективный путь создания новой, экономной педагогики на современном этапе

гиперболического роста информации» [17]. Кроме того: «В основе такой педагогики должен лежать принцип трансдисциплинарности, т.е. освоение в процессе обучения определенных генеральных метафор, имеющих фундаментальное познавательное значение и открывающих широкие возможности взаимодействия многих дисциплин при решении комплексных проблем природы и общества» [18]. Таким образом, идея трансдисциплинарности заключается в интеграции знаний, необходимых в самых разных предметных областях. Отсюда следует, что технология трансдисциплинарности – это технология овладения такими методологическими знаниями, которые справедливы для любой дисциплины. Трансдисциплинарность в инженерном образовании можно считать одним из путей реализации известного тезиса «научить учиться», т.е. научить самому себе ставить образовательные цели, а также добывать и использовать нужную информацию. В этом и заключается, по мнению Е. А. Солодовой и П. П. Ефимова изменение педагогической парадигмы [18].

Ключевым принципом трансдисциплинарности в образовательной деятельности можно считать выделение параметров порядка, позволяющих упорядочить учебную информацию, выделить в ней ключевые, базовые положения, подлежащие обязательному усвоению.

Таким образом, можно утверждать, что основой современной парадигмы инженерного образования должен служить принцип трансдисциплинарности, т.е. освоение в процессе обучения определенных генеральных метафор, имеющих фундаментальное познавательное значение и открывающих обширные возможности для взаимодействия различных дисциплин при решении комплексных проблем природы и общества.

Именно на этой основе следует проектировать весь процесс обучения. Этот подход можно считать основой выделения параметров порядка и последующего построения трансдисциплинарных образовательных программ.

Вместе с тем, отмечая, что «трансдисциплинарность до сих пор не получила своего однозначного и общепринятого определения, ... российская наука и высшее образование отличаются низкой активностью внедрения трансдисциплинарности в учебные процессы вузов и в научные исследования», М. С. Мокий и В. С. Мокий рекомендуют, в частности:

- проводить анализ и обобщать концепции и методологии видов и форм трансдисциплинарности, существующих в науке;
- формировать научно-методическую базу для преподавания трансдисциплинарного подхода в современных российских вузах, а также

нарабатывать и систематизировать опыт внедрения трансдисциплинарности в современную систему высшего образования [14].

Можно при этом констатировать, что развитие этого подхода, придание ему практической значимости требуют методологического анализа когнитивных аспектов трансдисциплинарности на различных смысловых уровнях. Это делает неизбежным поиск методов и технологий, обеспечивающих усвоение возрастающих объемов информации в заданные сроки обучения, предусматривает аналитико-синтетическую обработку учебно-научного материала с целью его свертывания и компактного представления содержащейся в нем информации, т.е. ее сжатия. Рассмотрим методологию решения этой задачи через призму синергетического подхода.

В условиях непрерывного реформирования содержания образования, внедрения новых образовательных стандартов, программы дисциплин нового поколения становятся перенасыщенными фактическим материалом. Проявилось объективное противоречие: увеличение объема изучаемого материала, с одной стороны, и сокращения количества аудиторных занятий с другой. При этом необходимо учитывать ограничения познавательных возможностей обучающихся, обусловленные психологическими закономерностями внимания, восприятия, памяти и мышления. В этой связи необходим поиск методов и технологий, обеспечивающих усвоение возрастающих объемов учебной информации, т.е. технологий интенсивного обучения.

Особая функция абстрактного мышления человека заключается в построении семантического пространства исследования, которое обеспечит возможность экспериментировать и произвольно формировать понятийно-образные конструкции и модели объекта изучения. Формализация результатов мышления отображается в точных утверждениях и понятиях, с помощью которых будут составляться сведения об объекте, его структуре, особенностях и свойствах.

Процесс формирования логического представления изучаемого понятия в виде семантически связанной системы, эффективно фиксируемой и воспринимаемой мозгом, возможна при помощи заданной конструкции. Эффективное усвоение любых знаний предполагает использование системы визуальных, вербальных и других знаково-символических средств. Знаково-символические средства – важный инструмент при усвоении учебной информации, позволяющий повысить вероятность сохранения в информации в памяти и оперирования ею. Е. Н. Манько выделяет следующие важные аспекты организации учебной информации, которые существенно влияют на процесс

активизации и повышения динамичности систем умственной и учебной деятельности по переработке и усвоению знаний.

1. *Концентрация знаний* предполагает увеличение плотности (уплотнения) и насыщенности информации, предъявляемой обучающимся. В существующих образовательных технологиях концентрация реализуется как:

- *укрупнение* дидактических единиц (П. М. Эрдниев);
- *сжатие* – краткий условный конспект, представляющий собой наглядную конструкцию, составленную с помощью замещения знаний опорными сигналами (В.Ф. Шаталов);
- *свернутость, сжатие* – структуризация смысловых единиц; смысловая компрессия текста – фрейм как абстрактный образ стереотипных и стандартных ситуаций и как альтернатива традиционным методам работы с развернутыми текстами (Р. В. Гурина, Е. Е. Соколова);
- *ментальные модели* – знания, структурированные в умственные модели (Е. А. Макарова);
- *сгущение учебных знаний с помощью схематизации* (А. А. Остапенко, С. А. Аллавердян);
- *свертывание знаний в системе координат* – определение узловых элементов учебного содержания, их знаково-символическое обозначение и вынесение этих элементов на каркас логико-смысловой модели (В. Э. Штейнберг);
- *кодowo-понятийный конструкт знаний* – определение и формирование ключевых знаний, обеспечивающее полноту обобщенного и образно-структурированного представления об изучаемом объекте (Н. Н. Манько) [10].

Н. Н. Манько утверждает, что сжатие учебного материала и уменьшение его развернутости требует особой специализированной логической организации научных знаний и ее формы представления, в противном случае система обучения будет строиться на принципе экстенсификации: при фиксированном времени обучения происходит увеличение объема учебных знаний, что в свою очередь приведет к психологическому перенапряжению обучающихся.

2. *Генерализация знаний* – представление сущностного концептуального смыслового ядра, «очищенного» от детализации, распространенных описаний и т.п., способствующего оптимизации способов переработки больших массивов информации в краткие (или заданные) сроки.

Тенденция генерализации знаний подтверждается следующими проявлениями образовательных технологий:

- *содержательные обобщения* – наиболее общие понятия науки; понятия, в которых выделены внутренние связи; теоретические образы, полученные путем мыслительных операций с абстрактными объектами;
- представление знаний в виде логических конструкций – фреймов, фреймов подобных моделей;
- *образы* – результаты отражения предметов и явлений в форме «квазикартинок», создаваемых посредством «топографической съемки» репрезентируемого объекта;
- *схемы*, обозначающие общие знания, обобщенные описания, планы или системы когнитивных структур, которые хранятся в памяти (Е. А. Макарова);
- *семантические фракталы* в виде логико-смысловых моделей, позволяющих свертывать целые понятия до знаков, символов и развертывать учебные знания в вербальной форме;
- *категориально-семантические концепты* – совокупность существенных, типичных и особенных представлений об объекте, отображенных в обобщенной образно-понятийной форме».

По определению Е. В. Лукашевич все понятия, существующие в настоящее время для описания структур представления знания, можно объединить под одним родовым понятием - когнитивные структуры, т.е. структуры отражения и представления знаний в уме человека. Видовыми же элементами, являются концепт, фрейм, сценарий, схема и т.п. [9].

Концепт в определении Е. С. Кубряковой – «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы всей картины мира – квант знания» [8, с. 90]. А. П. Бабушкин полагает, что «концепт является ментальной репрезентацией, которая определяет, как вещи связаны между собой и как они категоризируются». Цитируя зарубежных исследователей, А. П. Бабушкин выделяет тезис: «Считается, что главная роль, которую играют концепты в мышлении – это именно категоризация, позволяющая группировать объекты, имеющие определенные сходства, в соответствующие классы. Способность нашего повседневного «ментального» существования зависит от способности категоризировать или подвергать концептуализации различные предметы или явления» [1, с. 28].

З. Д. Попова и И. А. Стернин определяют концепт как «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [15, с. 24].

«Концепт обладает общностью признаков, инвариантностью, содержательной полнотой, но лишен информационной избыточности (детализации), поэтому быстро актуализируется, переносится в новую ситуацию решения педагогических задач, позволяет интерпретировать содержание и устанавливать ассоциативные связи (Н. Н. Манько)» [10]. Рассматривая концепты как формы репрезентации знаний, А. П. Бабушкин подразделил концепты на группы, в которых основными для рассматриваемой предметной области инженерного образования являются:

- 1) фреймы (совокупность хранимых в памяти ассоциаций);
- 2) сценарии (знания о сюжетном развитии событий);
- 3) мыслительные картинки (конкретные зрительные образы) [1, с. 28].

Фрейм (от англ. *frame* – рамка, каркас). Понятие «фрейм» ввел в 1974 г. американский ученый М. Мински (Marvin Lee Minsky), исследовавший проблемы искусственного интеллекта и способы представления знаний в компьютере. В основе теории фреймов лежит гипотеза о том, что знания о мире состоят из структурных ячеек, т.е. складываются из определенных сценариев с фиксированным набором стереотипных ситуаций – фреймов [12].

Основываясь на дефинициях М. Мински, Т. Ван Дейка и У. Эко, Е. И. Трубаева [19] определяет фрейм как структуру данных, которая служит для представления стереотипных ситуаций, организованной по семному принципу вокруг определенного концепта (сема – минимальная составная часть элементарного значения – предельная единица плана содержания).

Применительно к учебной информации фрейм можно определить как стереотип, стандартную ситуацию. Фреймовая схема-опора представляет абстрактный образ стандартных стереотипных объектов в символах – своеобразную жесткую конструкцию (каркас), содержащую в качестве элементов пустые окна – слоты, которые многократно перезаряжаются информацией.

Фреймовая схема сжимает информацию в десятки и сотни раз, ибо она отражает стереотипную ситуацию. Как показывает практика, если студент использует фреймовые схемы-алгоритмы, то они достаточно легко укладываются в долговременной памяти.

Сценарий структурируется по типу фабулы и представляет собой события, случаи, действия, состояния в их причинно-хронологической последовательности. Для сценария характерно описание некой последовательности событий, обусловленной рекуррентной ситуацией (ситуациями). Поведение человека в этом смысле зависит от его привычки к тому или иному сценарию и его интерпретации, сценарий может быть использован либо поведенчески, либо когнитивно: в первом случае человек реально проигрывает его, строя свое поведение в соответствии с конкретным сценарием; во втором — мысленно, например, интерпретируя текст.

Гештальт означает в переводе с немецкого «форма» или «конфигурация». Гештальт-психологи утверждают, что восприятие образа неделимо, возникает не от частей этого образа и не разбивается на примитивные ощущения. Можно говорить о том, что гештальт-образование можно рассматривать как передачу целостных информационных блоков, образцов мышления, качественной смены схем, в том числе преобразование конфигурации всего обучения.

Рассмотренные когнитивные структуры могут служить для компактного представления знаний в образовательном процессе. При этом важно подчеркнуть присущее им *свойство фрактальности* – повторяемости логической структуры предметно инвариантного содержания, самовоспроизведения на разных уровнях мыслительной деятельности и организации учебной информации.

В этой связи представляет несомненный интерес предложенный В. Н. Козловым методологический подход выделения в каждой дисциплине трех основных составляющих – модели объектов, методов синтеза объектов и технологии предметной области учебной дисциплины [6, с. 70-82]. При этом в каждой из указанных частей учебной дисциплины В. Н. Козлов предлагает выделять следующие категории:

- *базисные понятия*, явления, процессы и другие составляющие, которые формируют сущностные объекты современной области научных знаний, составляют объекты дисциплин и транслируются в содержание учебной дисциплины;
- *базисные операции* над базисными понятиями как способы исследования объектов дисциплин; являются составляющими базовых методов;

- *базисные методы* – направленные совокупности базисных операций, объединенные заданными целями и ограничениями, дающие качественные результаты;
- *базисные теории* – совокупность базисных методов, изучаемых в дисциплинах и являющихся их «проекциями» из областей научных знаний. Базисные теории как совокупность базисных методов образуют теории как «целое», состоящее из методов – элементов «целого».

Введенные базисные понятия подлежат усвоению, при этом базисные операции формируют в операционной части дисциплины общие методы решения комплекса задач и разработки технологий, представленных для универсального применения в различных объектах исследования и формулирующие при этом в форме базисных теорий. Базисный принцип естественным образом позволяет формировать компетенции и на их основе содержание дисциплин для различных уровней образования.

Логические модели формируемых компетенций В. Н. Козлов представляет в виде последовательной совокупности (см. таблицу 1):

Таблица 1.

Модели формирования компетенций по В.Н. Козлову

Базисные категории	Модели формирования компетенций			
	Историко-логические	Категориально-логические	Системно-логические	Концептуально-логические
Понятия				
Операции				
Методы				
Теории				

1. *Историко-логические (классические) модели*, в которых дидактические единицы программ дисциплин выстраивают содержание дисциплины в исторической хронологии создания научных областей знаний.

Исходные для разработки базисных компетенций классические модели знаний используются на начальных этапах обучения учащихся бакалавриата и обучения специалистов. Такой класс программ – самый распространенный в вузах России, и он формирует естественную модель организации и передачи знаний.

2. *Категориально-логические модели* для бакалавров и магистров 3-6-го годов обучения. Содержание образования определяется на основе следующих понятий:

- *базисные понятия*. Они включают в себя основные определения, процессы, модели, явления и различные другие элементы, которые формируют содержание, используя минимальное семейство элементов, формирующих знания;

- *базисные операции (действия) над базисными понятиями и их результаты*, которые определяют возможность становления «операционного разнообразия» научных дисциплин, способствующих эффективному освоению дисциплин с уклоном на изучение методов;

- *базисные методы* – минимальные направленные операции над базисными категориями, а также базисными операциями. Такая совокупность базисных методов может рассматриваться как минимальное семейство методов. Они образуют научную теорию, которая является основой формирования содержания учебных дисциплин.

Такие модели формируют и структурируют содержание дисциплины и могут применяться для обучения в магистратуре.

3. *Системно-логические модели*. Включают в себя системно-обобщенные категориальные компоненты, общие для разных дисциплин и модулей, а их содержание определяется с помощью системно-базисных компонент:

- *базисные системные категории*, к которым относят идентифицированные категории, характеризующие целостность базисных понятий, явлений, принципов и других различных элементов, которые вкладывают в дисциплину необходимые категории, например, базисные системы математических элементов и других элементов в химии, физике и других науках;

- *базисные системные операции (действия) над категориями и их результаты*, которые включают исходные объекты и результаты, что формирует необходимый системный операционный базис в заданных границах;

- *базисные системные методы, нацеленные на достижение заданного результата совокупности системных категорий и системных операций*, включают общие методы и подходы для различных областей научных знаний. Они обеспечивают «диффузию» новых современных методов научных знаний в содержание дисциплин.

Примеры таких операций – операции свертки, как обобщающие для решения различных линейных алгебраических, дифференциальных уравнений в обыкновенных и частных производных. Предназначены для аспирантов и кандидатов наук.

4. *Концептуально-логические модели*, которыми могут владеть доктора наук, следующие группы категорий:

– *базисные концептуально-обобщенные понятия*, указывающие концептуальные основы, для формулировки которых в разных областях знаний необходима исходная формулировка на основе многовариантного множества «фактологических моделей»

рассматриваемой научной области знаний в форме исходной базы для создания концептуально-логического содержания учебной дисциплины;

– *базисные концептуально-обобщенные операции и их результаты* формируются на основании имеющейся конкретной области научных знаний и базируется на принципе «категории-операции»;

– *базисные концептуально-обобщенные методы* включают в себя направленные совокупности идентифицированных базисных компетентностных операций с целью «формирования содержания учебных дисциплин на основе транслирования концепций научных областей знаний в учебные дисциплины [6, с. 70-82].

Модель компетенций концептуального типа «формируется на основе структуры научных знаний, а содержание дисциплин формируется как «проекции» концептуальных идей (концепций) из областей научного знания в содержание дисциплин. В этом случае программы дисциплин транслируют знания наиболее общего методологического характера и могут использоваться при обучении в аспирантуре [6, с. 70-82].

Можно говорить о том, что содержание основных образовательных программ (ООП) дисциплин целесообразно создавать на основе базисного принципа формирования компетентностей. Этот принцип использует минимальные семейства базисных образующих элементов-понятия, операции и методы. По сути, рассмотренные структуры выполнены в формате «фреймов» и выполняют роль своеобразных аттракторов, способствующих самоорганизации учебного материала образовательной программы.

Следует подчеркнуть, что введенные В. Н. Козловым базисные категории, определяющие параметры порядка образовательных программ, правомерны для модели формирования компетенций всех уровней. Развитием этого важного аспекта является методологическая адаптация логической структуры изучаемого предметного содержания под природосообразные особенности работы функциональных систем головного мозга студента.

Сделаем вывод. Применение синергетического подхода позволяет определить в качестве ключевого понятия самоорганизацию. В образовательной деятельности это означает обеспечение самообразования. Роль преподавателя при этом преобразуется. Он должен не только передавать знания, но, самое главное, научить находить требуемую информацию и пополнять ее, приучить обучающегося к самостоятельной работе не только при решении задач в широком спектре предметных областей, но и в самоорганизации.

Мы согласны с мнением Е. Н. Князевой о том, что «обучение имеет резонансную природу: осуществляется ускоренный переход к новым, модифицированным структурам

знания и поведения. Грубо говоря, происходит «штамповка», матричная передача целостных образцов знания, что составляет основу для последующих творческих изысканий индивидуального разума» [3].

Реализация этого тезиса в инженерном образовании может проявляться в развитии поточно-группового метода организации учебного процесса к элементам индивидуальной работы преподавателя со студентом. Возникающий при этом диалог становится основой интерактивного обучения. Внешним проявлением такого сотрудничества может служить привлечение студентов к научной работе, а в качестве аттрактора может стать выступление на конференции, публикация в научно-техническом журнале, организация стартапа.

Библиографический список:

1. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика: дис ... доктора филологических наук: 10.02.19 / Бабушкин Анатолий Павлович. - Воронеж, 1997. 330 с.
2. Бушковская Е.А. Феномен междисциплинарности в зарубежных исследованиях // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 330.
3. Князева Е.Н. Научись учиться // Мост. 2001. № 44. С.52-53; № 45. С.38 - 40.
4. Князева Е.Н. Трансдисциплинарность: в поисках оснований синтеза научного знания // Трансдисциплинарность в науке и философии: подходы, проблемы, перспективы. М.: Навигатор. 2015. С. 281-301.
5. Князева Е.Н. Трансдисциплинарные стратегии исследований // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. №. 10.
6. Козлов В.Н. Интеллектуальные технологии и теория знаний. СПб.: Изд. Политехнического университета, 2012. 156 с.
7. Конев В.В. и др. Использование междисциплинарных связей в преподавании технических дисциплин // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2016. №. 2. С. 54-59.
8. Кубрякова, Е.С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. 245 с.
9. Лукашевич Е.В. Когнитивная семантика: эволюционно-прогностический аспект. М.; Барнаул: Изд-во Алтай. ун-та, 2002. 234 с
10. Манько Н.Н. Когнитивная визуализация педагогических объектов в современных технологиях обучения // Образование и наука. 2009. №. 8. С. 10-29.
11. Мерданов Ш.М. и др. Междисциплинарные связи как основа преподавания дисциплины // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2016. №. 1. С. 36-40.
12. Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979. 151 с.
13. Мирский Э.М. Междисциплинарные исследования и дисциплинарная организация науки. М.: Наука, 1980. 304 с.
14. Мокий М.С., Мокий В.С. Трансдисциплинарность в высшем образовании: экспертные оценки, проблемы и практические решения // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5. С. 687-698.
15. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. 314 с.
16. Снопкова Е.И. Актуальность междисциплинарного подхода в педагогических исследованиях: научное обоснование // Интеграция образования. 2015. Т. 19, №. 1 (78).
17. Солодова Е.А. Методология формирования современного синергетического мировоззрения студентов на основе трансдисциплинарного подхода // Образование и наука. 2014. №. 2 (111).
18. Солодова Е.А., Ефимов П.П. Трансдисциплинарность современная педагогическая технология интеграции знаний /Интеграция образования. 2014. Т. 18, №. 2 (75).

19. Трубаева Е.И. Некоторые особенности разграничения когнитивных терминологических понятий в современной научной парадигме // Современные проблемы языкознания, литературоведения, межкультурной коммуникации и лингводидактики = Actual problems of linguistics, literature studies, intercultural communication and linguodidactics : сб. науч. ст. междунар. науч. конф., Белгород, 12-14 мая 2014 г. / НИУ БелГУ, Ин-т языкознания РАН, Ун-т Ниццы - Софии Антиполис ; редкол.: В.А. Виноградов и др. – Белгород, 2014. С. 134-138.

Koshik V.S. Transdisciplinarity as a vector of educational program design

The explosive growth in the volume of information makes the paradigm shift of modern engineering education inevitable, which requires a transition from interdisciplinarity to transdisciplinarity. In transdisciplinary research, cognitive schemes are transferred from one disciplinary field to another, thus creating opportunities for collaborative research projects. Transdisciplinarity in engineering education can be considered as one of the ways to implement the well-known thesis "to teach how to learn", i.e. to teach oneself to set educational goals, as well as to obtain and use the necessary information.

It can be argued that the principle of transdisciplinarity should serve as the basis of modern paradigm of engineering education, i.e. mastering certain general metaphors in the learning process, which have fundamental cognitive value and open extensive opportunities for interaction of various disciplines in solving complex problems of nature and society.

Keywords: engineering education, educational program design, new paradigm, interdisciplinarity, transdisciplinarity

Социальные проблемы и стратегии их решения

УДК 304.9

И. Я. Шимон

Русская идея: прошлое, настоящее... будущее?

(историко-философский аспект)

Аннотация:

В статье исследуется диалектика «судьбоносных» для нашей гуманитарной науки и Отечества понятий: «русская идея», «русская душа», «Москва – третий Рим», «самодержавие, православие, народность», «отзывчивость России, богоизбранность ее народа», «миссия России как спасительницы мира», «русский мир». Эти идеи – суть теоретический конструкт желания гуманитариев выдать «замысел Творца о судьбах страны» за действительность, вне исторического контекста, с чем трудно согласиться.

Ключевые слова: русская идея, русская колонизация, «Москва – третий Рим», коммунистическая идея, евразийство, народы-изгои, либеральная идея

Об авторе: Шимон Иван Ярославович, доктор исторических наук, Государственный университет «Дубна», профессор кафедры социологии и гуманитарных наук факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: sh.iv2015@yandex.ru

Введение

Россия во все времена беременна идеями обустройства своего исторического бытия. Стержнем этих размышлений стала идея всемирной миссии России. Все идеологиемы по этому поводу объединены одним понятием «русская идея».

Термин «русская идея» принадлежит Ф. М. Достоевскому [4], но только благодаря докладу В. С. Соловьева «Русская идея», сделанному в Париже в 1888 г. [10], он стал широко известен широкому европейскому читателю. Весьма плодотворно трудились над разработкой этого понятия (в широком смысле слова) такие русские мыслители, как В. Розанов, Вяч. Иванов, С. Франк, Г. Федотов, Л. Карсавин, Н. Данилевский, А. Гулыга и многие другие. Авторы акцентируют основное внимание на том, что русская идея выражает «замысел Божий о России» [10], суть которого заключается в сакральности,

эсхатологичности миссии русского народа как богоносца, и подводят читателя к мысли о вселенности, соборности и универсализме этой идеи, а Россия призвана переустроить мир.

К сожалению, мало кто обращает внимание на исторический аспект проблемы, ее последствиях в развитии России. Пожалуй, только Николай Бердяев подметил глубокий конфликт между русской идеей и русской историей [8]. Исторический подход позволяет ответить на вопрос: как, в чем и насколько реализовывалась русская идея в реальной, исторической практике, и может ли она претендовать на ту «миссию», которую отводили и отводят ей философы.

Что представляет собой русская идея под историческим углом зрения?

Ответ на этот вопрос находим в трудах замечательного русского историка В. О. Ключевского. Он утверждал: «История России есть история страны, которая *колонизируется* (выделено мной – И. Ш.). Область колонизации в ней расширяется вместе с государственной ее территорией. То падая, то поднимаясь, это вековое движение продолжается до наших дней» [5]. Написано в 19 в., а как будто вчера!

С чего все начиналось? С объединения русских земель.

Колонизация по-русски – это заселение и хозяйственное освоение пустующих окраинных земель (внутренняя колонизация) и основание поселений за ее пределами (внешняя колонизация). Процесс колонизации осуществлялся методом переселенчества.

В. О. Ключевский делит историю на ряд периодов.

1. Русь Днепровская, городская, торговая:

- Древнерусское государство с 9 до 13 вв. политически разделено на отдельные, практически обособленные области, где центром являлся большой торговый город. Это государство сложилось как результат объединения земель полян, ильменских славян, радимичей, кривичей и других со столицей в Киеве.

- Духовным фактором объединения станет Крещение Руси, которое будет осуществляться в течение нескольких веков, встречая жесткое сопротивление народа. В дальнейшем православие будет играть важную интегрирующую роль.

2. Верхневолжская, удельно-княжеская, вольно-земледельческая Русь:

- С середины 13 в. и до середины 15 в. в результате то ли монгольского нашествия, то ли начала гражданской войны, причиной которой стало стремление московских князей установить свое верховенство после падения Киева, масса русского населения оседает на Верхней Волге с ее притоками.

- Население политически остается раздробленным, но не на городские области, а на княжеские уделы, между которыми идет междоусобная борьба за московский «стол» (в Куликовской битве тоже решались династические споры между Дмитрием Донским и Мамаем).

Особое место в нашей истории занимают 15 в. и 16 в., когда усилиями Ивана III и Ивана IV формируется Русь Великая, Московская, царско-боярская, землевладельческая – Великороссия [См. 5].

Именно в это время не только осознается, но и словесно оформляется традиционный вариант русской идеи – «Москва – третий Рим».

«Москва – третий Рим»

Идея оформилась в связи с тем, что в основном завершилась православизация страны, закончилась зависимость от Орды (или гражданская война, по другой версии), создано довольно сильное единое государство, необходима была земля для новой знати.

Все это требовало идейного оформления исторической, цивилизационной миссии России. Псковский монах Филофей в послании Великому князю Московскому Василию определит ее суть: два Рима пали, а третий (Москва) стоит, а четвертому не бывать [3]. Со временем эта идея, обеспеченная авторитетом Православной церкви, приобретет государственный, национально-политический характер и до поры до времени выполняет объединительные и экспансионистские задачи:

- первый царь Иван IV начинает продвижение на восток, превращая Россию в территориальную империю;
- специфическим, чисто русским, явилось переселенчество в результате церковного раскола середины 17 в. – сотни тысяч так называемых староверов бежали на Север, в Поволжье и Заволжье, Урал, Сибирь и создавали там свои общины;
- с 17 в. и до середины 19 в. русский народ расселяется по всей равнине от Балтийского, Белого и до Черного морей, Кавказского хребта, Каспия и проникают на юг и восток;
- в результате боевых действий Богдана Хмельницкого и разгрома Польши и по решению Переяславской рады, Малороссия была «принята под руку» царя Алексея Михайловича;

- после завоевания Белоруссии и Литвы в царском титуле добавились слова – «царь всея Великия и Малая и Белая России, самодержца Литовского, Волынского и Подольского»;
- позже, в результате поражения от Польши и вследствие казацкой измены, Литва и Белоруссия были потеряны, а Украина разделена по Днепру на московскую и польскую, левую и правую, враждебные половины;
- в 18 в. к России отойдут берега Черного и Азовского морей, она утверждает за собой Новороссию и Крым, Очаков; после разделов Польши российскими становятся Волынская, Подольская и Минская губернии, Литва и Курляндия, что позволяет Петру I официально провозгласить Россию империей;
- теснимая персами Грузия отдалась под покровительство России, а грузинский царь Ираклий Георгий XII, умирая, завещал свою страну российскому императору. Христианские грузинские княжества – Имеретия, Мингрелия, Гурия - также признали верховную власть России. А вот Шемаханское, Нухинское, Бакинское, Нахичеванское ханства и Эриван пришлось отвоевывать у Персии. А Дагестан – завоевывать;
- кочевые киргизы, населявшие Северный Туркестан, издавна беспокоили границы Западной Сибири. Чтобы их усмирить, России пришлось насильно подчинить такие среднеазиатские ханства, как Коканд, Бухару и Хиву.

Все сказанное свидетельствует о том, что суть этой идеи выражала исторические стремления правителей России в расширении территории, в чем она преуспела, и оказывала социокультурное воздействие на живущих там людей.

Идея «Москва – третий Рим» будет ведущей до того момента, пока император Николай II не ввяжется в Первую мировую войну за обещанные ему Англией и Францией Стамбул, Босфор и Дарданеллы, что приведет к краху монархической России, а сама идея «Москва – третий Рим» погибнет в ходе социокультурной деструкции, когда ни многовековое государство, ни православие, как государственная религия, ни русская культура не справились со своей задачей и не смогли сдержать социальный взрыв, следовательно, и сама идея «Москва – третий Рим» не выдержала испытания историей: Россия не выполнила своей исторической миссии, не возглавила православный мир. Но претензии остались до сих пор.

Из чего исходили «творцы» данной русской идеи?

Они исходили из того, что Россия – государство с одним, «основным» народом и одной, «основной» религией, но выносили за скобки такие явления, как деспотизм самодержавия, отсутствие свободы, демократии, наличие великодержавного шовинизма, а ведь Россия – полиэтническая и поликонфессиональная страна.

Коммунистическая идея

Эта идея столь же стара, как и мировая история – люди всегда и везде мечтали о равноправии, справедливости, лучшей жизни. К. Маркс и Ф. Энгельс облекли коммунистическую идею в четкую теоретическую концепцию и предложили ее западноевропейскому обывателю, который не принял ее как руководство к действию, хотя попытки были. Только в России от слов перешли к делу и попытались построить коммунистическое общество, превратив коммунизм в практическую национальную идею.

В 1917 г. поменялась парадигма исторического развития России. Пришедшие к власти большевики создали «безэтническое» в названии советское государство, которое в перспективе должно было стать базой мировой социалистической революции для создания мирового союза советских социалистических республик, целью которого будет строительство светлого коммунистического будущего. «Безэтничность» была заменена понятием пролетарского интернационализма и права наций на самоопределение.

Почему эта идея именно в России стала руководством к действию? Видимо потому, что она во многом отвечала чаяниям многих народов России, особенно в таком животрепещущем вопросе, как национальный (именно на национальном вопросе К. Маркс проверял истинность коммунистов!). Именно этот вопрос был самым слабым звеном в идее «Москва – третий Рим».

Одним из первых документов, принятых большевиками после прихода к власти, была «Декларация прав народов России», провозглашавшая право наций на самоопределение и образование самостоятельных государств, что послужило началом процесса распада страны: о своей независимости заявили Финляндия, Украина, Польша, прибалтийские республики. К отделению от России заявили казахи, киргизы, башкиры, татары Крыма, в Закавказье создается независимая федеративная республика в составе Грузии, Армении, Азербайджана.

Когда начался реальный процесс отделения, В. И. Ленин в отчаянии напишет: «От России ничего не осталось, кроме Великороссии» [6]. И только в ходе Гражданской войны с помощью оружия большевикам удастся остановить этот процесс, а в 1922 г. будет создано новое советское государство – СССР, на принципах федерализма, добровольности,

равноправия, независимости входящих в его состав. В 1923 г. большевики временно откажутся от лозунга мировой революции – военная интервенция и Гражданская война обессилили страну. Был сделан вывод о создании материальной и военно-технической базы для ее осуществления в будущем.

История предоставит большевикам такой шанс: разгром европейской коалиции фашистских сил во главе с гитлеровской Германией, возросший политический авторитет СССР на международной арене и оказание им интернациональной помощи позволят Советскому Союзу воссоздать историческую Россию территориально и привлечь десятки стран на свою сторону. Таким образом, коммунистическая идея получила на какое-то время мировую поддержку.

Увы, большевики повторят практически все ошибки своих предшественники, что позволит новым политическим силам, обольщенным западными либеральными идеями, совершить новую социокультурную деструкцию, в ходе которой погибнет советская государственность как носитель коммунистической идеи, а также историческая Россия.

Почему не была осуществлена в СССР коммунистическая идея? Назову, на мой взгляд, главные причины:

1. Так сложилось исторически, что в нашей стране народ до поры до времени воспринимал государство, власть как высшую, почти сверхъестественную силу. Советская власть, как и самодержавная, не оправдала доверия народа: власть стала предпосылкой богатства, сверхценностью, синонимом доступности всех благ. Ответственность же власти осталась только в лозунгах. Тоталитарность государства подчинила личность, тормозя развитие демократического, гражданского общества.

2. Если у Маркса всеобщая уравниловка звучала в качестве теоретической предпосылки, то в советском обществе она была воспринята как руководящая установка, а коммунистическая идея подменилась русской национальной идеей в формулировке: «все отнять и поделить поровну, по справедливости».

3. Осуществилась тотальная идеологизация жизни общества, сопровождавшаяся догматизмом мышления политической элиты.

4. Силовые методы решения национальных проблем.

5. Укоренение принципа двойной морали.

6. Нерешенность продовольственной проблемы.

7. Предательство партийной верхушкой национальных интересов страны.

8. Успешная пропаганда Западом своих культурных ценностей.

В нашей стране не выполнили своей миссии основные носители коммунистической идеи – советское государство, советская культура, советская идеология, но сама идея еще жива. Как показывают социологические опросы, значительная часть населения страны «ностальгирует» по советскому прошлому [2]. Во многих странах коммунистическая идея до сих пор является руководящей силой.

Евразийская идея

Россия – и европейская, и азиатская страна, это особый культурно-исторический мир, где встретились восточная и западная культуры, своеобразный духовный центр евразийского континента. Этот мир существует много веков, но как евразийская идея зародился в начале 20-х гг. 20 в. Эту идею развивали известные философы и культурологи Трубецкой, Флоровский, Бицилли, Савицкий, Рерих, Гумилев.

Основные положения евразийства, определяющие специфику этой концепции, следующие:

- отказ от культурно-исторического «европоцентризма»;
- отрицание «универсалистского восприятия культуры», которое делит народы на «культурные» и «дикие»;
- Россия – особое культурное и духовное единство, географическая и этнографическая целостность, представляющая собой особый путь развития;
- обоснование органичной связи культуры народов России с православием как «вселенской» религией и одновременная обусловленность русской культуры «пространством», т.е. влиянием восточного элемента;
- понятие нации как «симфонической личности» - коллективном носителе культурных ценностей.

После Второй мировой войны СССР, руководствуясь политикой пролетарского интернационализма, оказывал значительное экономическое, политическое и идеологическое влияние на азиатский континент. Эта политика стала основанием роста мощи и влияния на судьбы материка и мира в целом, могущественного сегодня Китая, который теснит во всех отношениях не только Запад, но и Россию, привлекающую его территорией и природными богатствами. Сегодня мы должны признать, что Китай оказывает все возрастающее влияние на мировые проблемы.

Приходится констатировать, что и евразийство, как разновидность русской идеи, не оправдало себя не только на европейской, но и на азиатской территории России. России нечего предложить самобытно-культурной Азии – она растеряла свое духовное наследие, а

современная российская эрзац культура там не приживается, как не приживается она и в российских национальных республиках. Возможно, и к лучшему.

Россия – всемирный лидер народов-изгоев

Автором этой идеи является А. С. Панарин, утверждавший, что по критерию могущественности Россия уже никогда не будет сверхдержавой, а стремление к соревнованию с сильными мира сего – глобальная ошибка, ведущая к истощению всех ресурсов, в том числе и духовных, следовательно, она может и должна стать сверхдержавой неперспективных «людей неуспеха»; Россия должна уберечь мир от либерального геноцида «золотого миллиарда» [9].

Речь идет об отказе России от традиционной геополитической борьбы за пространство (в отличие от всех предыдущих русских идей) и переход в плоскость социально-психологической, духовной борьбы за народы-изгои, которые должны понять, что у них кроме России, защитника нет, тогда они обратятся к России, т.е. заказ будет сформирован.

Культурным источником новой миссии России является ее вековая духовность и аскетизм – дух русской культуры, который всегда был обращен к неудачникам; ментальным источником является солидарность, сострадательность, эмпатия русского человека; цивилизационный источник успеха этой идеи – ограниченность ресурсов природы, т.е. на историческую арену должны выступить культуры и народы, согласные довольствоваться малым. Грустная и печальная перспектива для России, но, по сути, закономерная: скатившись до положения третьеразрядной страны, ей нечего предложить даже изгоям – самим бы найти страну-миссионера.

Кстати, чем там закончилось дело в сказке А. С. Пушкина о рыбаке и рыбке? Да, Россия вновь оказалась у разбитого корыта.

Либеральная идея

Стоит вспомнить споры западников и славянофилов в начале, а затем либералов и консерваторов в конце 19 в., чтобы узнать старую знакомую. Больше того, либералы будут входить во Временное правительство в 1917 г., которое будет свергнуто большевиками.

В 1991 г. так называемые либералы возьмут реванш, свергнут коммунистов, Советскую власть, советскую государственность, т.е. начнут воплощение либеральной идеи под руководством западных политменеджеров, которые даже проекты указов писали для президента.

Либеральное обустройство началось с большого предательства – уничтожения СССР в 1991 г. и большого конфуза: первый президент России бросил клич народам страны: «Берите суверенитета, сколько хотите!». И народы начали действовать: автономии повышают свой политический статус до республиканского; многие области провозглашают себя республиками; набирает силу движение за национальное самоопределение и выход из состава России; некоторые республики отказываются платить взносы в госбюджет, посылать своих юношей служить в Российскую армию. Наиболее последовательную позицию в вопросе выхода из России займет Чечня. И чтобы это предотвратить, федеральный центр начнет боевые действия на территории Чеченской республики, и в результате террористических актов будут уничтожены два ее руководителя. Повторение пройденного.

«Приватизация» государственной собственности обернулась грабежом денежных накоплений населения, «лихими 90-ми». Один за другим уничтожаются заводы и фабрики, экономика обрушилась на 50%, и до сих пор не достигнут уровень 1990 г., в стране идет депопуляция населения, продолжающаяся до сих пор, господствует аномия – несбалансированность нравственных, экономических, политических, культурных ценностей и поведенческих ориентаций, что наблюдается и сегодня. Общество разъедают социальные болезни – миллионы наркоманов, алкоголиков, бомжей, бездомных детей, болезни. В результате всего этого падает авторитет государственных и социальных институтов, а политический режим превращается в «мягкий авторитаризм», основными чертами которого являются «суверенная демократия» - фальсификация выборов всех уровней, господство одной партии, ограничение прав и свобод граждан, постоянный рост коммунальных платежей, низкие пенсии и заработная плата [7].

Построены тысячи православных храмов, но авторитет Русской Православной Церкви низок и внутри страны, и за рубежом, Церковь не стала нравственным лидером ни в стране, ни в православном мире.

Желает лучшего и внешняя политика: Запад открыто душит Россию санкциями, разрушены традиционные связи со славянскими народами, многие бывшие союзные республики и страны Варшавского договора переметнулись в НАТО или стремятся туда, считая Россию врагом номер один. В бывших союзных республиках третируются русский язык и русскоязычное население. Россия в постсоветский период потеряла все лидирующие позиции – в экономике, политике, культуре, у нее нет союзников. Следовательно, и либерализм в России не оправдал себя. Насильственно внедряемые чужой опыт и чужие

идеи, без учета отечественных исторических условий для России не пригоден: страна веками выработывала критерий исторической практики – «справедливо» или «несправедливо». Либеральная идея не прижилась, ибо она несправедливая и по форме и по содержанию, и принесла много горя и страданий народу.

В течение одного века страна пережила две идеи, два вектора своего развития – коммунистический и либеральный: «Русские имеют свойство отдаваться беззаветно чужим влияниям...» [11]. Уж такова психология нации.

Есть ли выход из создавшегося положения? Конечно же есть:

1. Народ должен осознать, что Россия в либеральной опасности!!! Она - экономическая и духовная полуколония, но только с большими сырьевыми запасами и атомным оружием.

2. Народ должен осознать, что только в единстве действий всех государственных и общественных организаций можно покончить с криминализацией страны.

3. Народ должен осознать, что только общими усилиями можно создать демократическое, правовое, социальное государство.

4. Осознание этих положений может объединить народ для того, чтобы добиться действительно независимого положения страны и роста гражданского общества.

Россия знала и более трудные времена – тяжелые испытания во время монгольского ига (или гражданской войны), потеря независимости в период Смуты, период европейского нашествия во главе с Францией в 1812 г., второго европейского нашествия во главе с Англией и Францией в 1918-1920 гг., третьего европейского нашествия во главе с гитлеровской Германией в 1941-1945 гг. Победим и четвертое мировое нашествие – санкционное – во главе с США. Таков исторический путь России: она всегда осуществляет «националистический поворот» и выбирает путь: «от консолидации к конфликту» [1].

Библиографический список:

1. Багдасарьян Н.Г., Король М.П. Националистический поворот: от консолидации к конфликту // Социальная политика и социология. 2019. Том 18. № 2 (131). С. 172-180.
2. Багдасарьян Н.Г., Король М.П. Постсоветская Россия: риски «эпохи ностальгии» // PRIMO ASPECTU. 2020. № 1. С. 23-32.
3. Горелов А.А. Ф.М. Достоевский: русская идея и русский социализм // Философия и современность. 2017. № 1. С. 54.
4. Достоевский Ф.М. Объявление о подписке на журнал «Время» на 1881 год // Собр. Соч.: в 15 т. Л.: Наука, 1993. Т.11.
5. Ключевский В.О. Русская история. Книга 1. М.,1994.
6. Ленин В.И. Полн. собр. соч.: Т. 36. М.: Издательство политической литературы, 1974. С. 341.

7. Летова Н.В. Достижения и потери постсоветской трансформации // Социологические исследования. 2019. № 11. С. 27-39.
8. О России и русской философской культуре: Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М.: Наука, 1990. 528 с.
9. Панарин А.С. Постмодернизм и глобализация: проект освобождения собственников от социальных и национальных обязательств // Вопросы философии. 2003. № 6. С. 16-36.
10. Реснянский С.И. «Москва – третий Рим» как скрепа русского православного самосознания // Вестник Московского государственного областного университета. 2019. №3. С. 41-49.
11. Розанов В.В. Сочинения. М.: Сов. Россия, 1990. 588 с.

Shimon I.J. **Russian idea: past, present ... future? (historical and philosophical aspect)**

The article examines the dialectics of concepts that are fateful for our humanities and the fatherland: the Russian idea, Russian soul, “Moscow the third Rome”, autocracy, Orthodoxy, nationality Russia’s, responsiveness to God’s chosen people, the mission of Russia as the savior of the world, Russians world... These ideas are the theoretical construct of the desire of humanitarians to pass off the Creator’s intention about the fate of the country outside historical context, which is difficult to agree with.

Keywords: Russian idea, Russian colonization, “Moscow - third Rome”, communist idea, Eurosianism, rogue peoples, liberal idea

УДК 338

В. Д. Попов

Некоторые перспективы и противоречия развития цифровой экономики

Аннотация:

С позиции философии и методологии анализа и прогноза, системного подхода представлены основные предпосылки и механизмы торможения развития в нашей стране цифровой экономики. Рассматриваются перспективы развития цифровой экономики через призму соответствия или идентичности. Идентичности между деятельностью субъектов государственного управления, принятых ими решений, проектов и их реализацией на практике. Способствующих при этом эффективному преобразованию экономики в целях повышения материального благосостояния народа.

Ключевые слова: противоречия, стратегия, экономика, цифра, цифровизация, электронизация, информация, деньги, теория стоимости

Об авторе: Попов Владимир Дмитриевич, доктор философских наук, Государственный университет «Дубна», профессор кафедры геоинформационных систем и технологий института системного анализа и управления; эл. почта: vladanin@mail.ru

Прежде всего заметим, что цифровизация в экономике была всегда. Без цифры невозможно знать ее состояние. Современный вызов цифровизации обусловлен последствиями, противоречиями, достижениями информационной революции, развитием сетевого общества, информационных технологий. *Пока идея цифровой экономики у нас на практике сводится к электронизации управления экономикой, а не к самой цифровой экономике как системе экономических отношений, развивающейся на основе объективных законов.* При этом проявляется несколько противоречий между факторами торможения и развития.

1. Давайте честно, с позиции диалектики оценим *две противоречивые тенденции нового времени*, которые свидетельствуют о необходимости развития цифровой экономики как средства инновации. С одной стороны, мы имеем бурное развитие компьютеризации, информационных технологий. С другой стороны, *за последние десятилетия в реализации реформ не достигнуто желаемых результатов.* С 2008 г. страна находится в системном

затяжном кризисе. Состояние экономики страны ухудшается. На неблагополучие в социальной сфере указывают 59% опрошенных [2, с. 66]. В результате мы имеем стабильность застоя и бедности. Согласно исследованиям Института социологии РАН за 25 лет «непрерывных реформ (а с учетом горбачевской перестройки – это три десятилетия) большинство населения (до 60%) заявляет о необходимости существенных перемен в стране». Однако «реализация декларации о переменах проходит, мягко скажем, пока не очень успешно» [2, с. 74]. Скажете – это субъективная оценка? Но есть и объективная – падение роста ВВП и его подъем около 1%. Или факт – снижение доходов населения в течение последних шести лет.

Почти 60% россиян выступают не просто за перемены, а за решительные перемены, что свидетельствует о необходимости развивать цифровую экономику. Но тормозом существенных перемен является противоречие между желанием их осуществить и страхом того, как бы не повторить результаты перестройки. Задумаемся, большинство россиян и не видят «точек роста», но хотели бы. С другой стороны, 68% наших граждан считают, что лучше стабильный застой, чем реальные перемены. Парадоксально, что 67% владельцев большого бизнеса не хотят перемен [6, с. 323, 326]. Существует раскол общества на «консервативное большинство» и «прогрессивное меньшинство». Среди важнейших запросов общества (68%) – знание будущего страны и социальная справедливость. В результате развитие цифровой экономики находится в плену противоречия между потребностями инновации и механизмами торможения. На этом фоне состояния общественного сознания добавляется кризис доверия к субъектам власти. Особенно муниципальной власти, где требуется новая концепция его развития. Эксперты в один голос отмечают кризис вертикали власти. Отсюда кризис системы управления. Проекты и решения по развитию информационного общества, цифровой экономики утопают в электронной бюрократии. По оценке экспертов, обнаруживается парадокс российской цифровой экономики: чуть ли не каждый электронный документ требует бумажного носителя. Объем последних растет в стране на 10% в год.

2. Тормозом развития цифровой экономики является *противоречие между отечественным, искривленным либерализмом в мозгах правящего класса, доминированием монетаризма и развитием общественного материального производства.* Мы имеем богатый запас финансовых ресурсов у государства и кризисную экономику с бедным народом. Например, переход на майнинговую систему взаимных расчетов между субъектами рынка на основе системы блокчейна противоречит интересам банков. Поэтому они берут в свои руки цифровую экономику, что меняет его суть.

3. Требуется своего разрешения *противоречие между искусственным и человеческим интеллектом*. Нет пока научного возражения тезису Стивена Хокинга: *«Развитие полноценного искусственного интеллекта может означать конец человеческой расы»*.

Требуется научный анализ и прогноз последствий развития искусственного интеллекта. Получается по классике, «если умом Россию не понять», то будем развивать искусственный интеллект. Но ведь ясно, что развитие последнего невозможно без развития интеллекта человека. Как бы мы не пришли к разрухе в мозгах. Ведь очевиден кризис гуманитарного интеллекта правящей элиты и нации. Усиливается кризис понимания России. Мы плохо знаем законы развития информационного общества, в котором сейчас живем. А это основа для понимания значимости цифровой экономики.

4. Обозначилось *противоречие в использовании электронных, машинных технологий в управлении в отрыве от гуманитарных*. Нет единства в развитии электронных и гуманитарных технологий [9]. Сегодня выражен крен в технократизм. Он расчеловечивает экономику, и не только. Пример: в России 10 лет создавали цифровое телевидение. Затратили, освоили миллиарды. А содержание его – в духовном, нравственном кризисе! Студенческая молодежь наше телевидение не смотрит. У нее информации много, а аналитического мышления мало. Без чего ей трудно понять цифровую экономику. Возможный путь к этому – создание в вузах, по примеру Санкт-Петербургского университета, кафедры «Проблем конвергенции естественных и гуманитарных наук» (под руководством известного ученого Т. В. Черниговской).

5. *Противоречие, заложенное в принципе «асимметричной информации»* (Д. Стиглиц). Цифровую экономику следует создавать с опорой на последние достижения науки. Во-первых, на «информационную экономику» Д. Стиглица [1, с. 45], и с применением диалектики реальной и виртуальной, субъективной и объективной информации. Иначе будем создавать «мыльные пузыри» и в цифровой экономике. Во-вторых, следует осваивать «информационную теорию стоимости» К. Г. Вальтуха. В ее основе лежит концепт: *«Деньги есть информация, отделенная от своего носителя и получившая самостоятельное хождение»* [4, с. 197]. В одном случае – отделенная, но выражающая реальные затраты. В другом – отделенную и спекулятивно выражающую стоимость товара. Вот где опасность цифры как информации.

О ней предупреждал еще К. Маркс в «Капитале», исследуя процесс перехода от натурального товарного обмена к торговле с появлением денег. Он писал, что когда *«деньги ... равны большему количеству денег», когда «стоимость ... больше самой себя», то создается «форма обращения, в которой денежная куколка превращается в капитал,*

противоречит всем развитым раньше законам относительно природы товара, стоимости денег и самого обращения» [11].

Есть данные, что сегодня количество денег в мировой экономике в 40 раз превышает реальную стоимость ее материального капитала. Поэтому идет горячая дискуссия о введении криптовалюты. В США пока нет зеленого света для развития цифровой экономики со стороны гигантов информационных систем. *Встает проблема честного управления деньгами как информацией.* И подчеркивается опасность развития виртуальной, монетаристской, спекулятивной модели цифровой экономики.

Для ее упреждения требуется перевод экономической политики с рельсов монетаризма на кейнсианскую модель государственного регулирования рыночной экономики [3]. Напрашивается включение механизмов ограничения нерегулируемого процесса обналичивания безналичных денег, как это делается в Японии.

6. Противоречие между «идеальным» и «реальным» производством (по К. Вальтуху). Плюс к этому – развитие цифровой экономики может быть эффективным в будущем, если она будет отвечать принципам «креативной экономики» (Д. Хокинса). Важно включить на этой научной основе логику реального перевода «идеального производства» в «материальное производство». Или иначе – реализацию новых идей, открытий, проектов в реальную экономику.

В этом контексте отметим, что по прогнозу японских футурологов все страны в XXI в. разделятся на 4 группы:

- Страны, которые будут производить и торговать новыми идеями, проектами и технологиями. Их граждане будут иметь высокий уровень доходов.
- Страны, производящие сложную современную технику. Граждане будут в большинстве средней состоятельности.
- Страны, производящие и снабжающие мир традиционной продукцией машиностроения, с/х, особенно сырьем. Уровень жизни здесь – ниже среднего.
- Страны, способные продавать и покупать только дешевую рабочую силу. Население этих стран – бедное [12].

У нас налог на добавленную стоимость не стимулирует выпуск сложной техники. А блокчейн – сложная техника. Тормозит переход России на первый уровень низкая эффективность управления интеллектуальной собственностью, а также невостребованность научных разработок гуманитарных наук у правящей элиты.

В экономической политике доминирует бухгалтерский подход. У государства и бизнеса избыточные денежные ресурсы, а в экономике – дефицит инвестиций в создание и развитие

инновационных предприятий. Цифровая экономика не заменит отсутствия новых заводов. В итоге имеем разрыв между богатым государством и бедной экономикой. Причина в системе управления – и электронными системами, и людьми.

Отсюда вывод: для развития цифровой экономики как инновационной требуется повышение интеллекта правящей элиты и нации в целом. На этой основе, как отмечает С. Глазьев, возможна смена парадигмы экономической политики, соединяющей информационную теорию, информационную экономику с «новым экономическим укладом» [5].

Более того, состояние современного капитализма следует оценивать в контексте закона отрицание отрицания, разрастания мирового кризиса либерализма, хаоса, стратегической неопределенности, кризиса постмодернизма, фейковой, ложной информации в диалоге конфликтующих стран.

Поэтому назрел переход к новой «седьмой формации» (Г. Цаголов) [13], основанной на известной идее конвергенции, реализованной в Китае и других странах. Иначе не избежать систематического появления циклов при капитализме, согласно известной теории циклов Н. Д. Кондратьева и других ученых.

Подтверждением тому служат следующие эмпирические результаты.

7. На вопрос: «*Каким должен быть экономический строй в обществе?*» среди россиян только 17% за «капитализм, свободную рыночную конкуренцию, частную собственность». А за общество с рыночной экономикой с планированием, с реализацией социалистических принципов, т.е. с лучшими достижениями капитализма и социализма в сумме – 56% опрошенных. Даже за советский социализм, плановую экономику, государственную собственность 22%. При этом отмечают (68%), что справедливости в России нет. Она в 2 раза ниже, чем в Китае, где на ее наличие указывают 60% населения [7, с. 172, 173, 203]. В этом и состоит фундаментальное противоречие, что тормозит стратегию отечественного развития. Бедный народ создает бедную экономику.

Исходя из системного подхода, синергетической парадигмы, идее прорыва, объявленной Президентом России нужна объединяющая общенациональная идея. На мой взгляд, такой идеей может быть: *достижение социальной справедливости во имя сбережения народа и целостности России* [10]. Она обусловлена многими факторами. Но, главное, ущербным разрывом в доходах между богатым меньшинством и бедным большинством. Такой разрыв мотивирует социальную революцию.

Базисной экономической идеей является конвергенция. Она неоднократно высказывалась такими учеными как П. Сорокин, академики А. Сахаров и Е. Примаков. Сейчас

на ее реализации настаивают академик С. Глазьев, д.э.н. Г. Цаголов. Но пока она на вооружение не берется.

С позиции системного подхода, в условиях вхождения в информационное общество, в бурное развитие сетевой коммуникации и в то же время кризиса капитализма, стратегической неопределенности будущего актуален переход в новую формацию [8].

Библиографический список:

1. Вальтух К.Г. Информационная теория стоимости. Новосибирск, 1996. 412 с.
2. Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян/ Под ред. М.К. Горшкова? В.В. Петухова. М., 2018. 384 с.
3. Кушлин В.И. Государственное регулирование рыночной экономики: учебник. М.: 2013.
4. Маркс К. Капитал. Критика политической экономики. Т.1. Кн.1. Процесс производства капитала. М.: 2009. 691 с.
5. О стратегии развития экономики России: препринт / Под ред. С. Глазьева. М.: Национальный институт развития, 2017.
6. Российское общество и вызовы времени. Кн. 5 / Под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М., 2017. 427 с.
7. Россия и Китай. «Идеальное общество» в мечтах людей России и Китая. М., 2016. 424 с.
8. Попов В.Д. Будущее России: переход в новую формацию. М.: ИНФРА-М. 2020. 229 с.
9. Попов В.Д. Информационные технологии в управлении: гуманитарный дискурс. М.: 2016.
10. Попов В.Д. Цифровая экономика: управление информационными процессами. М.: 2020.
11. Стиглиц Д. Информация и смена парадигмы в экономической науке. Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков: в 5 т. Т. 5. Кн. 2: Всемирное признание: лекции нобелевских лауреатов. М., 2005.
12. Холодная М.А. Психология интеллекта. Парадоксы исследования. М., 2002.
13. Цаголов Г.Н. Модель для России. 2-е изд., доп. М., 2010.

Popov V.D. Some prospects and contradictions of the digital economy development

The report presents the main prerequisites and mechanisms for slowing down the development of the digital economy in our country from the point of view of the philosophy and methodology of analysis and forecasting, as well as a systematic approach. The article examines the prospects for the development of the digital economy through the prism of conformity or identity. Identity between the activities of the subjects of public administration, their decisions, projects and their implementation in practice. But contributing to the effective transformation of the economy in order to improve the material well-being of the people.

Keywords: contradictions, strategy, economy, digitalization, digitalization, electronics, information, money, value theory

Личность в условиях социальных перемен

УДК 316

Н. Г. Багдасарьян, А. П. Ромашкина

Цифровое поведение личности в интернет-коммуникациях: культура и риски

29-летний житель Северной Дакоты Калев Бурчик угрожал убить бывшего босса из-за того, что тот не принял его запрос в друзья. Бурчик отправил ему приглашение стать виртуальными друзьями в канун Рождества. В одном из угрожающих сообщений он написал: «Прими мой запрос, или я убью тебя».
<https://incruussia.ru/news/man-threatens-to-kill-ex-boss/>

Аннотация:

Стремительное продвижение человечества к цифровизации, меняющей все сферы жизни общества, сопровождается такими рисками и следствиями, которые требуют своевременного анализа. Цифровая среда латентно влияет на всех, даже на тех, кто не пользуется электронной почтой, смартфоном и компьютером. Однако влияет по-разному: «цифровое поведение» личности может принимать как просоциальные, так и антисоциальные формы. Носители этих форм поведения различаются способами построения коммуникации в цифровой среде и имеют специфические характеристики когнитивной, мотивационной и эмоциональной сфер. Выделенные исследователями стратегии цифрового поведения позволяют определить, как современный человек управляет поведением в сети.

Ключевые слова: цифровое поведение, цифровая реальность, асоциальное поведение, просоциальное поведение, стратегии цифрового поведения

Об авторах: Багдасарьян Надежда Гегамовна, доктор философских наук, профессор, Государственный университет «Дубна», зав. кафедрой социологии и гуманитарных наук факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: ngbagda@mail.ru

Ромашкина Алина Петровна, Государственный университет «Дубна», магистрант кафедры социологии и гуманитарных наук факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: alina.romashkina.99u@gmail.com

Введение

Современность и происходящие в ней изменения становятся сферой трансдисциплинарного познания. Социокультурные исследования современного общества учитывают контексты глобализации, транзитивности, виртуальности, а также фиксируют микширование тенденций и появление новых системных качеств. Само общество обрело разные названия: продолжает использоваться понятие «информационное общество» как наиболее общая его характеристика; «общество электронных коммуникаций», когда подчеркивается всеобщая компьютеризация и рост электронных средств связи; «Индустрия 4.0», которая демонстрирует уровень промышленного производства в технологической революции. Однако доминирующей характеристикой становится «цифра», формируя производные от этого понятия: цифровое общество, общество искусственного интеллекта, Общество 5.0. Последнее – это концепция, принятая на вооружение в Японии, и подразумевающая развитие суперинтеллектуального общества с использованием Больших данных для создания Интернета вещей и Интернета всего. Особенность концепции, ее отличие от всех предшествующих этапов – в масштабах внедрения новейших цифровых технологий. Но не случайно в названии концепции присутствует слово «общество» – она нацелена на оптимизацию ресурсов общества в целом: «Каждый будет вносить вклад в соответствии со своими возможностями и потреблять в соответствии со своими нуждами», – подчеркивает старший генеральный менеджер департамента правительственных и внешних связей Корпорации Mitsubishi Electric Уэмура Норицугу [9; 10].

В значительной мере это общество будущего. Цифровые технологии стали естественным фоном жизни подрастающих поколений, даже люди, не вовлеченные в глобальную сеть, не пользующиеся электронной почтой, смартфоном и компьютером (хотя это трудно теперь представить), испытывают на себе воздействие цифровой среды. Цифровые технологии, осваиваемые в условиях, когда они «бегут» впереди соответствующего им уровня информационной культуры, увеличивают число рисков, обусловленных легким доступом людей к базам данных. Усложнение информационной культуры требует оценки и развития таких ее характеристик как компьютерная, цифровая, коммуникативная, сетевая (нетикет), медиа- грамотность; выявления динамики коммуникативных стратегий и норм. Устойчивым трендом становятся самоорганизация сетевых сообществ, персонализация и вариативность цифрового поведения.

Цифровое общество выступает как технократическое, люди используют цифровые девайсы для обслуживания своих потребностей. Специфичными становятся коммуникации, которые обретают характеристику сетевых, они формируются в условиях информационно насыщенной социализации. Изменились межличностные отношения, и эти изменения происходят повсеместно, носят глобальный характер. Передача опыта использования цифровых благ идет от детей ко взрослым, и тогда старшие поколения становятся более зависимыми, возникает потребность построения нового типа коммуникации. Складывается не только совершенно новая цифровая реальность, но и принципиально другая культурно-историческая ситуация, к цифровому обществу нужно не только приспособиться и научиться жить в нем, личностям нужно найти свою индивидуальную траекторию.

Цифровое общество не человекоцентрично, оно концентрируется на технологиях, сверхбыстрый темп его развития увеличивает ощущение неопределенности, новое общество прозрачно для пользователей и тем самым опасно. Человек – пользователь уязвимый, частная жизнь уже стала доступной и беззащитной, а авторитеты, которые складывались столетиями, размываются.

Что определяет особенности цифрового поведения? Какие факторы оказывают на него влияние? Что такое цифровые следы, которые оставляет каждый человек на протяжении своей жизни в сети?

Методологические подходы

Цифровое поведение как феномен стало объектом исследований в поле цифровой социологии, исследователи подчеркивают, что эта отрасль социологического знания находится на этапе стремительного развития. Но могут ли сегодняшние социологические теории в полной мере отразить методологические основы цифровой социологии? Полагаем, однако, что наука находится на старте этого направления: развивается понятийный аппарат [4, с. 35], образовалась исследовательская тенденция – цифровое пространство изучается как новый тип организации цифрового общества [6, с. 7]. Назовем ряд концепций, которые могут служить отправной точкой для изучения цифрового поведения людей.

- Концепция рисков и рефлексивного модерна, предложенная Э. Гидденсом, основная идея которой заключается в том, что раньше действия людей зависели от конкретного времени, места или пространства, что позволяло сдерживать риски, но в цифровую эпоху эта зависимость разрывается, появляются

механизмы, которые меняют коммуникативные мотивы и формы общения, к ним относятся символические знаки, процесс глобализации и многое другое [16, с. 78].

- Теория социальных систем Н. Лумана, где было предложено оценивать общественные системы с позиции значений организации, интеракции и общества, причем любая коммуникация принадлежит только обществу. По сути, мир не имеет центра, у него нет основы, поэтому любая система обречена на распад и производство чего-то нового. Таким образом происходит интеграция офлайн и онлайн сфер, которые объединяются в одно общее пространство [7, с. 48].

- Концепция доверия П. Штомпки, демонстрирующая возможности и перспективы использования теоретической модели доверия, которая поможет объяснить не только современную реальность, но и многие исторические события. П. Штомпка заостряет внимание на том, что стремительные изменения, связанные с возникновением и развитием глобальной сети, сопровождаются разрушением культуры доверия в процессе электронной коммуникации [13].

- Теория сетевого общества, предложенная М. Кастельсом, основная идея которой заключалась в том, что новая, сетевая структура общества, имеющая под собой электронную основу, открыта для социальных инноваций. Основным признаком общества сетевых структур – доминирование социальной морфологии над социальным действием, потому что принадлежность к определенной сети выступает в качестве одного из важнейших источников власти и перемен в современном обществе [5, с. 86].

Цифровое поведение как объект исследования: виды и актуальные вопросы

Термин «цифровое поведение» характеризуется как перечень характеристик, описывающих активность пользователей в цифровой среде в виде целостной системы действий, связанных с особенностями коммуникативной, когнитивной, мотивационной и эмоциональной сфер человека. В научном сообществе актуальны несколько основных направлений исследования цифрового поведения и его влияния на личность и общество в целом [12, с. 64]. В частности:

- новые формы самовосприятия современного, «цифрового» человека и то, как они проявляются в социальных коммуникациях;
- фрагментация образа жизни;
- влияние цифрового мира на человеческое сознание и на мозг;
- соотношение культурного наследия и цифровой реальности;

- формирование нормативного подхода к выработке определенного коммуникативного этикета в цифровом общении [14].

В цифровом поведении выделяют два вида: просоциальное и антисоциальное. К антисоциальным поведенческим проявлениям в цифровой среде, связанным с особенностями мотивационной сферы пользователей, относятся интернет-зависимости, самоповреждающее поведение или призыв к нему, вовлечение в антисоциальные или преступные группировки. В эпиграфе мы привели пример подобного поведения, когда всего лишь отказ от принятия запроса в друзья в социальной сети может вызвать угрозу расправы. Самой незащищенной от влияния глобальной сети социальной группой стали подростки. Известен такой интернет-феномен как «группы смерти» – особая интерактивная игра, основной аудиторией которой являются дети, находящиеся в сложной жизненной ситуации. После того как подросток «входит в игру», организаторы высылают ему задания: принести себе вред, послушать мелодии (исследователями было доказано, что эти аудиозаписи вводят ребенка в транс), подняться на крышу многоэтажного дома, а кульминацией игры должно стать самоубийство подростка. Причем, если ребенок в какой-то момент хочет отказаться от этой затеи, он подвергается жестокому шантажу, вплоть до того, что организаторы обещают убить всех членов его семьи. Неподготовленная психика, недостаточный уровень цифровой грамотности – это те слабые места, которые подвергают ребенка невероятной опасности в сети. Просоциальное цифровое поведение рационально по своему характеру, оно не зависит от внешнего негативного давления, находится под постоянным контролем человека. Оба этих вида противоречат друг другу и по смыслу, и по содержанию, но пока сложно оценить, каких пользователей больше [12].

Таблица 1.

Характеристики видов поведения интернет-пользователей в цифровой среде

Характеристики	Виды цифрового поведения	
	Просоциальное	Антисоциальное
Особенности коммуникации	отсутствие психологического давления	психологическое давление при общении
Когнитивная Сфера	поиск и предоставление достоверной информации	предоставление недостоверной информации
Мотивационная Сфера	направленность на поддержание здорового образа жизни	зависимости
	направленность на социально одобряемые акции	вовлеченность в антисоциальные группировки
Эмоциональная Сфера	нейтральная или позитивная эмоциональная окрашенность потребляемого и/или распространяемого контента	негативная эмоциональная окрашенность потребляемого и/или распространяемого контента (агрессивность, депрессивность и т.п.)

Социологи солидарны во мнении – цифровое поведение выступает как особый вид социального поведения, и из этого следуют вопросы [6, с. 8]:

- Может ли цифровое поведение выступать в качестве маркера ценностных ориентаций человека в реальной жизни?
- Какие онлайн-стратегии цифрового поведения преобладают среди пользователей?
- Какое влияние оказывает цифровое поведение на протекание социально-значимых процессов?

Стратегии цифрового поведения

Ответы на актуальные исследовательские вопросы требуют выявления специфики российской интернет-аудитории, разумеется, в контексте глобальных трендов. В исследованиях, которые уже проводились в России, акцентировались следующие тенденции: замедление роста интернет-пользователей; ощутимые изменения в составе пользователей сети; возросшая интенсивность потребления контента сети; активизация политических настроений россиян [8, с. 213].

На этом фоне были выделены, на наш взгляд весьма адекватно, стратегии цифрового поведения пользователей [3]. Воспользуемся этой классификацией, прокомментировав ее в аспекте интересующей нас темы.

1. «Человек развлекающийся». Это самая популярная стратегия пользователей сети, присущая российским пользователям в возрасте от 16 лет. Те, кто придерживаются этой стратегии, пользуются интернетом везде – и дома, и вне него [3, с. 181]. Смартфон, либо планшет всегда в руках или в зоне видимости. Человек должен присутствовать в сети днем и ночью, используя все формы, предоставляемые интернетом – блоги, социальные сети, WhatsApp, YouTube, ВКонтакте, Телеграмм, Инстаграм и т.д. То есть, цифровое поведение «человека развлекающегося» замыкается в рамки сети. Риски такого стиля жизни в том, что интернет рассматривается ими некритически, как достоверный источник информации. В том числе информации учебной, которую студенты используют в качестве «самостоятельной работы», выдавая скачанные случайные и некачественные тексты за выполненное «творческое» задание. Это имеет следствием снижение этических нормативов в академической среде, что входит в привычку и на следующих уровнях – подготовки курсовых, ВКР, кандидатских и даже докторских диссертаций. В этой среде интернет оценивается и как возможность реализации политической субъектности и самопрезентации личности. Пользователи, придерживающиеся такой стратегии, инфантильны. Сложно сказать, с какого момента ребенок, открывающий для себя просторы глобальной сети, обретает зрелость и начинает управлять своим цифровым поведением.

2. «Человек традиционный». Возраст – от 45 до 60, уровень образования – среднее специальное [3, с. 186]. Интернет используется только дома и нерегулярно, вынужденно, требуются постоянные консультации со стороны более молодых людей. Мы можем согласиться с этой характеристикой с некоторыми оговорками, которые касаются уровня образования и характера специальности. Действительно, если специальность, полученная в рамках среднего образования, не требует использования компьютера, то такая характеристика правомерна. Но, если у человека высшее образование, и он работает по специальности, то это возраст активной включенности в работу, нижняя граница еще предполагает карьерный рост, специалист интегрирован в систему переподготовки и повышения квалификации, которые в современной реальности все чаще перемещаются в онлайн-формат. Кроме того, увеличение пенсионного возраста, необходимость работать после выхода на пенсию и многие другие социально-экономические факторы выводят человека этого возрастного диапазона на иную характеристику – «человека прагматичного» или «человека цифрового».

3. «Человек прагматичный». Такой тип цифрового поведения базируется на рациональном, функциональном использовании сети. В России каждый год число таких

пользователей растет, что свидетельствует о постепенном усвоении гражданами возможностей интернета. «Прагматики» используют домашний интернет или рабочую сеть через компьютер, реже — телефон/планшет [3, с. 189]. Такой тип людей сконцентрирован на своей работе, поэтому интернет используется только в деловых целях, развлекательный контент ими не востребован. Такая стратегия редко используется подростками, но достаточно часто взрослыми людьми. Например, в связи с пандемией и переходом на дистанционную форму обучения учителя школ и преподаватели учебных заведений были вынуждены практически полностью перенести свою работу в интернет. Увеличилось число регистраций в социальных сетях, потому что это наиболее удобные платформы для коммуникаций с учениками/студентами, обрели особую популярность облачные хранилища информации и заметно изменились формы отчетности обучающихся. Отметим, что новая ситуация вынужденности онлайн-обучения придает большую прагматичность и поведению молодежи.

4. «Человек цифровой» — вид пользователей, для которых интернет воспринимается как среда обитания и жизненное пространство. Это молодежь от 18 до 24-х лет, в первую очередь, студенты университетов. Социальная активность таких людей активизируется в виртуальном пространстве, именно на их примере мы можем убедиться в стирании границ между онлайн и офлайн. Такие пользователи не просто творцы содержания глобальной сети, а настоящие фанаты, видящие ее средством реализации своих возможностей [3, с. 196]. Добавим к этому, что стремительно возрастает число профессий и видов деятельности, которые становятся возможными вдали от офисов: человек может работать вполне эффективно в режиме фристайл, находясь не только дома в том же городе, но и на другом конце планеты. И столь же успешно потреблять дистанционные услуги (взять хотя бы для примера компанию американского провайдера онлайн-курсов Coursera, которая в сентябре 2020 г. открыла бесплатный доступ к 100 своим курсам).

5. «Человек не цифровой»: интернетом не пользуется совсем. Как правило, это глубоко пожилые люди, чаще живущие в российской глубинке. Пройдет не так много времени, и эта стратегия цифрового поведения исчезнет из классификации: тотальная включенность общества всего мира в сеть не оставит возможности избежать обращения к интернету. Уже теперь для получения необходимых справок и выписок требуется обязательная регистрация на портале государственных услуг, банки переходят с личного обслуживания клиентов на дистанционное и запись к врачу на прием стала возможной удаленно.

Российская интернет-аудитория подвержена постоянной трансформации, изменяется внутренняя динамика цифрового поведения, постоянно преобразуется структура пользователей, формируются новые стратегии поведения и тип цифровой культуры, все это оказывает активное влияние на общество. Глобальная сеть готовит особый вид потребителей интернет-благ, поэтому многое зависит от того, как люди научатся ими распоряжаться.

Таблица 2.

Характеристика стратегий цифрового поведения

Стратегия цифрового поведения	Возрастная характеристика пользователей	Интенсивность использования интернета	Наличие опыта использования беспроводных мобильных устройств для выхода в интернет	Интенсивность деятельности в сети
«человек развлекающийся»	от 16 до 34	каждодневное использование сети (как дома, так и вне)	есть	размещают контент, активно общаются в сети
«человек традиционный»	от 45 до 60	периодичность, нерегулярное пользование (пользование только из дома)	(требуется помощь со стороны)	в основном обмен электронными письмами
«человек прагматичный»	от 35 до 55	постоянная (в зависимости от потребности), в сети в основном с рабочего места	есть	выполнение трудовых задач
«человек цифровой»	от 14 до 24	постоянное использование интернета (в сети с разного типа носителей)	есть	создание уникального информационного контента
«человек нецифровой»	глубоко пожилые люди	нет	нет	Нет

Цифровые следы личности в сети характеризуются обычно одобрением или неодобрением содержания контента («лайки», «дислайки», «репосты», отметка «спам» и т.д.), следами выступают и страницы в социальных сетях, которые пользователь наполняет и индивидуальным контентом, и копированием из источников. Контент в сети можно классифицировать по бесконечным признакам, причем каждому возрасту пользователей будет соответствовать определенное информационное содержание. Такие цифровые следы, по сути, навсегда остаются в «памяти» интернета.

Специалисты утверждают, что анализ показателей цифрового поведения человека, «семантический анализ SMS, интернет-запросов и постов в сетях, а также обработка «цифровых следов», которые человек оставляет в реальном мире, соприкасаясь с сетью электронных устройств, не говоря уже о триангуляции его положения по системам GPS, – все это уже сейчас позволяет более точно оценивать некоторые психологические и социальные характеристики человека» [3, с. 184]. В исследованиях прослеживается некоторый алгоритм выявления связей между социальной окружающей средой личности и ее цифровым поведением:

1. Проведение анкетных опросов по самооценке личностных качеств пользователей социальных сетей.
2. Сбор «цифровых следов» из профилей социальных сетей пользователей [15].
3. Обработка этих «цифровых следов» для извлечения отдельных или нескольких характеристик цифрового поведения, которые используются в предсказательных моделях.
4. Оценка точности предсказаний личности на основе этих характеристик.

Вывод

Цифровое общество – современная объективная реальность. Новые технологии, приспособленные к потребностям пользователей сети, гаджеты, общедоступный интернет, все это, меняясь с невероятной скоростью, приводит к состоянию нестабильности, возрастанию рисков как для обычных пользователей, так и для общества в целом. Цифровая социология как область научного знания, формируется и развивается, а цифровое поведение, которое становится одним из объектов исследования этой области, задает векторы исследований: фрагментация образа жизни современного человека, активное влияние сетей на социальные коммуникации и многое другое.

Информационная культура и культура цифрового поведения как сферы человеческой жизни перестают носить характер дополнительного, они выходят на уровень повседневного. Интернет больше не средство коммуникации, это новая модель социума, которая не ограничивается пространством. Развитие технологий позволяет современному человеку, не выходя из дома, получать образование, совершать покупки, активно пользоваться благами культуры, выстраивать коммуникацию с людьми из разных городов и уголков мира, но, помимо очевидной пользы, носит угрожающий характер [1, с. 7]. Становится необходимым готовить современного пользователя к возможностям глобальной сети.

Понятия «воспитание» и «обучение» не существуют отдельно, одно дополняет другое, а в современной ситуации активного внедрения технологий и возможностей глобальной сети в образовательный процесс их взаимосвязь играет особую роль. Ситуация пандемии определила новые правила. Современное состояние российской интернет-аудитории демонстрирует слабую готовность системы образования к использованию сети в процессе обучения [11]. Именно это наталкивает на необходимость формирования специальных компетенций использования интернета. Помимо соблюдения временных норм взаимодействия с сетью, необходимо разработать модель использования общедоступного информационного интернет-контента. Важно защищать неподготовленных пользователей от нежелательной информации, необходимой становится разработка адекватных мер минимизации опасных последствий сетевых коммуникаций.

Библиографический список:

1. Багдасарьян Н.Г., Титов Р.В. Протестный потенциал социальных сетей: возможности и риски // Гуманитарный вестник. 2014. №4 (18). С. 1-9.
2. Башина О.Э., Васютина Е.С., Матраева Л.В. Трансформация экономической и трудовой модели поведения современной молодежи в условиях становления цифрового общества // Знание. Понимание. Умение. 2018. №3. С. 133-148.
3. Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Иванов И.С. Изменение стратегий онлайн-поведения российской интернет-аудитории: результаты сравнительного кластерного анализа (2012–2014 гг.) // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 3. С. 173-188.
4. Каменских Н.А. Цифровой интеллект: актуализация проблемного поля // Инновационное развитие социально-экономических систем: условия, возможности. Материалы VII Международной научно-практической конференции. М., 2019. С. 31-38.
5. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура / Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М., 2000. 606 с.
6. Кибакин М.В., Гришаева С.А. Актуальные проблемы рефлексии цифровой социальной реальности: переосмысление научных концепций // Цифровая социология. 2019. Т. 2. № 1. С. 4-10.
7. Луман Н. Очерк общей теории / Под ред. Н.А. Головина; Пер. с немец. И.Д. Газиева. СПб.: НАУКА, 2007. 641 с.
8. Мазиченко М.А., Нескромных Н.И. Профилактика социальных зависимостей: учим подростков управлять личным временем // Народное образование. 2017. №5 (1438). С. 213-221.
9. Нестик Т.А., Журавлев А.Л., Юревич А.В. Глобальные вызовы и будущее психологии: развитие психологической науки и практики в цифровом обществе // Психологическое знание: современное состояние и перспективы развития. М.: Институт психологии РАН, 2018. С. 698-713.
10. Норицугу У. Общество 5.0: взгляд Mitsubishi Electric // Экономические стратегии. 2017. Т. 19. № 4 (146). С. 122-131.
11. Письмо Министерства просвещения РФ от 16 ноября 2020 г. № ГД-2072/03 «О направлении рекомендаций»: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74844651/?prime> (Дата обращения: 05.06.2020).
12. Погожина И.Н., Подольский А.И., Идобаева О.А., Подольская Т.А. Цифровое поведение и особенности мотивационной сферы интернет-пользователей: логико-категориальный анализ // Вопросы образования. 2020. № 3. С. 60-95.

13. Штомпка П. Социальное изменение как травма [Электронный ресурс] // СОЦИС. 2001. № 1. Режим доступа: <https://www.isras.ru/files/File/Socis/01-2001/Shtompka.pdf> (Дата обращения: 05.01.2021).
14. Campelo N., Oppetit A., Neau F., Cohen D., Bronsard G. Who Are the European Youths Willing to Engage in Radicalisation? A Multidisciplinary Review of Their Psychological and Social Profiles [Electronic resource] // European Psychiatry. 2018. Vol. 52. P. 1-14. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/european-psychiatry/article/who-are-the-european-youths-willing-to-engage-in-radicalisation-a-multidisciplinary-review-of-their-psychological-and-social-profiles/119A57FA8989D3A84D1415AA31A8246B> (Access: 25.12.2020). DOI: <http://doi.org/10.1016/j.eurpsy.2018.03.001>
15. Costello M., Hawdon J., Ratliff T., Grantham T. Who Views Online Extremism? Individual Attributes Leading to Exposure [Electronic resource] // Computers in Human Behavior. 2016. Vol. 63. P. 311-320. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Who-views-online-extremism-Individual-attributes-to-Costello-Hawdon/701f2cb4fab5a22059680498d5fceb435f417ef2> (Access: 25.12.2020). DOI:10.1016/j.chb.2016.05.033
16. Giddens A. Living in a Post-traditional Society // Beck U., Giddens A., Lash S. Reflexive Modernization: Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order. Cambridge: PolityPress, 1994. P. 106.
17. Pesigan I., Shu U. Cognitive and Psychosocial Health Risk Factors of Social Networking Addiction // International Journal of Mental Health and Addiction. 2016. Vol. 14. № 4. P. 550-564.

Bagdasaryan N.G., Romashkina A.P. **Digital behavior of the individual in Internet communications: culture and risks**

The rapid progress humanity to digitalization, practically change almost life's sphere of society, accompanied by such risks and consequences that require timely analysis. The digital environment latently effects on everyone, even for those who don't use e-mail, smartphones and computers. However, this has differently effect on "digital behavior" of an individual can take both prosocial and asocial forms. The carriers of these behavior differ in the ways they are constructed communications in the digital environment and have specific characteristics of the cognitive, motivational and emotional spheres. The research of digital behavior will identify new trends in the development of "digital behavior".

Keywords: digital behavior, digital reality, antisocial behavior, prosocial behavior, digital behavior strategies

УДК 159.923

А. Ю. Васильева, Ю. И. Фролов

Модель личностного самоопределения в условиях движения футбольных фанатов

Аннотация:

Проблема развития личности рассматривается в контексте досуговой активности и способности человека управлять собственной жизнью в условиях молодежной субкультуры футбольных фанатов. Досуговые занятия футбольных фанатов становятся полем для самореализации и самоопределения личности как субъекта собственного развития молодого человека в период ранней взрослости. Возможность проявлять инициативность, силу в специфических досуговых занятиях футбольных фанатов и получать поддержку от референтной группы определяет различия в способе управления жизнью футбольного фаната.

Ключевые слова: развитие личности, самоопределение, молодежная субкультура, субкультура футбольных фанатов

Об авторах: Васильева Анна Юрьевна, Государственный университет «Дубна», старший преподаватель кафедры психологии факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: alterabsence@gmail.com

Фролов Юрий Иванович, кандидат психологических наук, Государственный университет «Дубна», доцент кафедры психологии факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: frolov.ui@gmail.com

Социальная и научная значимость проблемы личностного самоопределения обусловлена ростом неопределенности, сложности и разнообразия современного мира (А. Г. Асмолов). В практическом плане современность вынуждает индивида совершать собственный свободный выбор в повседневной жизни во все более широком диапазоне жизненных задач, увеличивая и долю ответственности субъекта за собственную жизнь [5]. По сравнению с традиционными обществами, где ответы на вопросы «Кто я?» и «Какой я?» предопределены укладом жизни, современный молодой человек сталкивается с необходимостью определять свою позицию самостоятельно и искать основания для своих поступков. Самоопределяться приходится во многом: в картине

мира, в собственной личности, в многообразии видов активности, в социальном пространстве и способах организации жизни. К эффектам современности, позволяющим совладать с ее вызовами, относятся, по мнению А. Г. Асмолова, такие преадаптивные формы жизни как смеховые и карнавальные действия (М. М. Бахтин), «игра ради игры» (А. Н. Леонтьев), «риск ради риска» (В. А. Петровский) [1]. В исследованиях М. Чиксентмихайи [6] показано множество примеров конкретных занятий, в которых люди достигают так называемых оптимальных, или потоковых, переживаний, и тем самым справляются с внешней и внутренней энтропией и непредсказуемостью мира. Отмечается, что важным компонентом таких переживаний является субъективное ощущение власти человека над ситуацией, способности удерживать контроль даже в рискованных занятиях, что сопровождается снижением рефлексии границ «Я» и чувством единения с происходящим вокруг. Представляется возможным отнести к таким «совладающим» с неопределенностью занятиям досуговую активность в условиях молодежной субкультуры футбольных фанатов.

Молодежные субкультуры стали ярким социальным явлением в современных экономически развитых обществах, своего рода следствием усложнения процесса самоопределения. В то же время они выступают (упрощенным) способом его осуществления в юности. Пространство субкультуры – это пространство возможностей для молодых людей удовлетворять потребность в самоутверждении и самовыражении, экспериментировать с социальными ролями, проявлять самостоятельность, умение принимать решения, организовывать и организовываться [4]. Молодежная субкультура служит вариантом социализации молодежи, а также выступает формой досуговой активности, к которой обращаются в свободное от учебы (работы) время. Несмотря на очевидный интерес научного сообщества к молодежной субкультуре в психологических исследованиях отсутствуют готовые модели для исследования самоопределения в ее условиях.

В отечественной психологии самоопределение рассматривается как специфическая для подросткового возраста потребность в формировании смысловой системы, отражающей представления о себе и о мире (Л. И. Божович); как личностное образование, обладающее сложной многокомпонентной структурой (М. Р. Гинзбург; А. Л. Журавлев и А. Б. Купрейченко); как процесс поиска смысла (С. Н. Пряжников); как процесс сопоставления себя и требований общества (В. Ф. Сафин, Г. П. Ников); как процесс «сливания» в единую смысловую систему обобщенных представлений о мире и себе (А. К. Маркова); как самостоятельная форма активности, направленная на

определение и формирование смысложизненных ориентаций личности (В. А. Бодров); как осуществление жизненно значимого выбора (А. Г. Асмолов; Д. А. Леонтьев, Н. В. Пилипко; Р. Х. Багова; Е. В. Логинова), который открывается человеку, в частности, в момент осознания им конфликтного личностного смысла (В. В. Столин), *возможности* выбора (Д. А. Леонтьев, Е. В. Шелобанова), ситуации неопределенности (В. В. Гулякина). В зарубежной психологии самоопределение описывается феноменологически как состояние поиска/достижения идентичности (Э. Эриксон; Дж. Марсиа). В модели Дж. Марсиа оно определяется через два фиксируемых в поведении критерия: наличие исследовательской активности возможностей осуществления выбора среди значимых альтернатив и выбор – принятие на себя обязательств перед собой и перед обществом. Личностное самоопределение считается основой любого другого вида самоопределения – профессионального, семейного, социального и т.п. В целом, самоопределение рассматривается, с одной стороны, как процесс, а с другой – как результат этого процесса. Мы рассматриваем личностное самоопределение как деятельность по поиску, выбору и реализации значимых для личности ценностей, смыслов и деятельностей и обретение личностной идентичности.

По мнению Э. Фромма, существует два способа решить проблему самоопределения (обретения идентичности). Первый вариант – индивидуальное самоопределение, более трудное и редкое. Второй – самоопределение через принадлежность к социальной группе, более простое и распространенное. Целью нашего исследования выступает изучение особенностей личностного самоопределения в условиях молодежной субкультуры футбольных фанатов. Задачей актуального изложения является формулировка такой модели исследования самоопределения, которая бы позволила учесть его: а) результаты в виде определенных личностных черт, особенностей самосознания и активности в разных сферах жизни; б) динамический аспект, обусловленный возрастным развитием и социализацией в относительно стабильной группе; в) индивидуальные усилия субъекта (собственная активность, психологическая работа) в социальном по форме способе самоопределения (Э. Фромм). Выделим основные положения, на которые, по нашему мнению, важно опираться в решении этой задачи.

Во-первых, средством самоопределения выступает самосознание, развитие которого кардинальным образом меняет личность в период вхождения во взрослость. В этот период впервые в онтогенезе появляется «новый» способ функционирования самосознания – через *отношение* к собственной личности, рефлексия, а личность

переходит в новый «режим» развития – саморазвитие. На рисунке 1 представлена схема рассмотрения структурно-динамических особенностей периода вхождения во взрослость.

Рисунок 1. Структурно-динамические особенности периода вхождения во взрослость

Рассмотрим развитие самосознания сквозь призму законов возрастного развития высших психических функций (ВПФ) Л. С. Выготского и уточним его роль в возникновении самоопределения:

- Самосознание социально по природе. «...всякая функция в культурном развитии ребенка появляется на сцену дважды, в двух планах — сперва социальном, затем психологическом; сперва как форма сотрудничества между людьми... затем как средство индивидуального поведения, как категория интрапсихическая» [2, с. 274].
- Самосознание опосредовано речью: мышление в понятиях есть «взрослый» способ ориентировки в действительности и самих себе» [2, с. 256-257]. «...речь становится... основным средством построения личности» [2, с. 274-275].
- Самосознание развивается от экстеро- (интер-) к интрапсихическому способу функционирования: «Личность есть социальное в нас... коллективные,

социальные формы поведения ...становятся... формами поведения и мышления личности...» [2, с. 275]. «*Через других мы становимся самими собой*» [2, с. 276].

Личностная рефлексия, или рефлексия в области самосознания является механизмом преобразования личности подростка. Личностная рефлексия рассматривается как исследовательский акт, направленный человеком на себя как субъекта жизнедеятельности [3]. Другими словами, рефлексия представляет собой ориентировку в собственной личности, которая сопровождается усложнением ее структуры. Категории (понятия, субъективные семантические структуры, по Ф. В. Петренко), посредством которых происходит рефлексия, обусловлены социальным окружением субъекта. Проиллюстрируем это на примере футбольных фанатов.

Молодые люди примыкают к футбольному фанатскому движению, обычно, в юношеском возрасте, когда «закладывается мировоззрение». Первой «инициацией» выступает приход на стадион, чтобы вживую посмотреть игру и поддержать любимый футбольный клуб. По словам фанатов, первые сильные впечатления связаны с переживанием единения со всей фанатской трибуной, стадионом, отчего сразу становится понятно, что это «на всю жизнь». Фанаты группируются по клубным предпочтениям и месту жительства со своими единомышленниками и вовлекаются принятые в субкультуре коллективные практики. Переживание вовлеченности является еще одним важным опытом, который фанат стремится повторять снова и снова. Вторая «инициация» фаната в субкультуру – выезд на матч в другой город, а затем и страну, и/или первое силовое столкновение с оппонентами. Эти события придают молодому фанату уверенности в собственных силах, а также расширяют границы его представлений о себе самом и о мире.

Все фанатские практики сопровождаются реальным взаимодействием и общением между фанатами по поводу широкого спектра вопросов, обычно, волнующих молодежь. При этом каждый участник получает оценки собственной личности и своих действий от значимых других из ингруппы («дал по тапкам» (сбежал), «пробил золотник» (посетил все матчи клуба за игровой сезон, «терпила» (толерантный), «отмороженный» (безрассудный) и т.п.). Фанатское самосознание представляет собой, образно говоря, групповой интерактив, и чувствительный к мнениям окружающих (в силу возраста), фанат собирает свой образ Я из мнений о нем референтной группы. В виду того, что ценности субкультуры определяют темы обсуждения и варианты фанатских досуговых практик, в лексиконе фаната «кристаллизуется» «активный словарь» соответствующих им категорий. Посредством них фиксируется жизненный

опыт фаната, протекает личностная рефлексия, оцениваются другие люди и явления. Эти категории служат осями в значимой для фанатов системе оценок окружающей действительности. Таким образом, самосознание фаната развивается в условиях общения с референтной группой и становится средством для самоопределения в различных сферах жизни.

Во-вторых, процесс самоопределения, возникнув в юности, сопутствует, по мнению М. Р. Гинзбурга, конструированию индивидом его собственного жизненного поля. Важной характеристикой самоопределения выступает активность субъекта в этом процессе: в субъективном плане она выражается в стремлении индивида обрести ценностно-смысловое единство/согласованность/определенность, упорядочить представления о себе и о мире, в практико-действенном – в реализации значимых ценностей и смыслов в реальных жизненных отношениях. В этом плане личностное самоопределение выступает основанием для собственного развития личности (саморазвития), переопределения.

В-третьих, зарубежным понятием, самым близким самоопределению по смыслу, выступает понятие идентичности. В концепции Э. Эриксона [7] идентичность – это чувство самотождественности, формирующееся в юности в процессе интеграции всех социальных ролей в единую систему представлений о себе, которые подтверждаются социальным окружением и собственным опытом человека. В этом определении подчеркиваются и возрастно- и социально-психологические аспекты самоопределения и его действенный компонент. Невозможно самоопределиваться, не имея в своем окружении людей, которые бы подтверждали, корректировали, направляли фокус внимания индивида на его личностные и поведенческие особенности. Важным моментом в процессе формирования идентичности становится верность – способность индивида быть преданным своим/разделяемым с группой убеждениям, значимым ценностям. Цель верности – «создание образа мира, достаточно убедительного для поддержания коллективного и индивидуального чувства самотождественности» [7]. Э. Эриксон подчеркивает, что групповая идентичность – это возможный и в некоторых случаях лучший и необходимый шаг на пути обретения Эго-идентичности. Групповая идентичность – идентификация себя с определенной группой других людей, которая предполагает «примеривание» и принятие на себя ценностей этой группы. Таким образом, условием достижения идентичности (результата самоопределения) выступает верность значимым убеждениям, сформулированным индивидуально или через идентификацию с группой значимых других. Подчеркнем, что за этой верностью

значимому открывается смелость действовать, возможность осуществлять реальные поступки, и тем самым подтверждать образ себя и мира в собственном опыте, что позволяет не рассыпаться восприятием и видеть четко в мире избыточных возможностей и противоречивых ценностных установок.

И последнее, согласно П. Рикёру, идентичность имеет два основных значения: тождественность и самость. *Самость* – способ личности вести себя, когда другой может рассчитывать на нее, способ жизни, когда личность становится ответственной перед другим за свои действия. Самость определяет субъекта, «способного обозначать себя как автора своих слов и действий... ответственного за свои слова и дела». Такое определение самости сопоставимо с понятиями «субъектности личности» и «самодетерминации» как способности человека осуществлять свободный выбор. Основанием ответственной деятельности перед другим человеком («сдержанное слово») и ее мотивом выступает верность индивида его ценностям и убеждениям. Наличие другого («зрителя», «читателя») открывает еще один важный аспект идентичности (самоопределения) – ее повествовательность, личную историю, которая рассказывается другому человеку, ожидающему определенных поступков от автора. Ответственное поведение строится на ценностях, к которым обращается человек, чтобы обосновать и совершить свой поступок (авторство которого индивид приписывает себе). Таким образом, формирование идентичности – это осуществление ответственного перед другим человеком поведения (от своего лица) и *повествование* личности о себе.

Для иллюстрации рассмотренных положений опишем некоторые инварианты поведения из жизни фанатов.

Фанатский опыт складывается из специфических досуговых практик – походов на стадион, выездов на матчи в другие города, силовых столкновений и пр., – реализуя которые фанат подтверждает свою верность любимому клубу и принятым ценностям и убеждениям, а в широком смысле – свою принадлежность к субкультуре фанатов. Эти практики наполняют жизнь фаната сильными переживаниями, связанными с преодолением трудностей (выход стенка на стенку с оппонентами, дальний выезд), радостными событиями (победа любимой команды, встреча с единомышленниками и пр.). Эти переживания, «пиковые», по А. Маслоу, «потокковые» по М. Чиксентмихайи, повторяются в опыте, индивидуализируются с развитием фанатского стажа, вплетаются в личную историю (идентичность) фаната и задают стержень его личности, внутреннюю опору, на которую можно рассчитывать в непредвиденных трудных ситуациях. Что немаловажно, у этой истории есть свидетели.

Как и в профессиональной сфере, в досуговой вырабатываются и усиливаются определенные способности и черты личности, отвечающие специфике преобладающей активности. Фанатский стаж можно рассмотреть, как процесс вхождения и интеграции личности в новую социальную среду (по А. В. Петровскому) и выделить в нем три фазы: адаптации, индивидуализации, интеграции. Если на фазе адаптации «новичок» стремится быть похожим на других участников (одеждой, манерой поведения, убеждениями и пр.), то с увеличением стажа индивидуализируются даже способы проведения досуга. Существуют примеры, когда молодые люди «совершенствуют» свои фанатские навыки в наиболее интересных для них занятиях: кто-то усложняет «выезда», преодолевая сотни километров на велосипедах; другие больше внимания уделяют спорту и добиваются достижений в нем; кто-то увлекается журналистикой, общественной деятельностью, популяризацией клуба среди населения. Все это указывает на то, что за социальным по форме способом самоопределения фанатов в некоторых случаях стоит личная история самореализации, в которой осуществляются значимые именно для него способы и смыслы быть фанатом и проживать жизнь так. Вместе с тем есть примеры иного фанатского пути, когда социальное самоопределение преобладает над личностным, и «маска» (словами К. Г. Юнга) становится главным действующим лицом. Это примеры, когда фанат не перерастает групповую идентичность и «консервируется» в субкультуре на долгие годы, игнорируя задачи профессионализации, создания собственной семьи. В обоих случаях, однако, групповые ценности становятся ценностями индивидуальными, проверенными личным жизненным опытом и скорректированные им. Групповая идентичность становится личностным инвариантом.

Схематически модель личностного самоопределения в условиях субкультуры футбольных фанатов представлена на рисунке 2.

пиковые переживания (А.Маслоу)
экстериоризованная форма
самосознания (Л.С.Выготский)
групповая идентичность

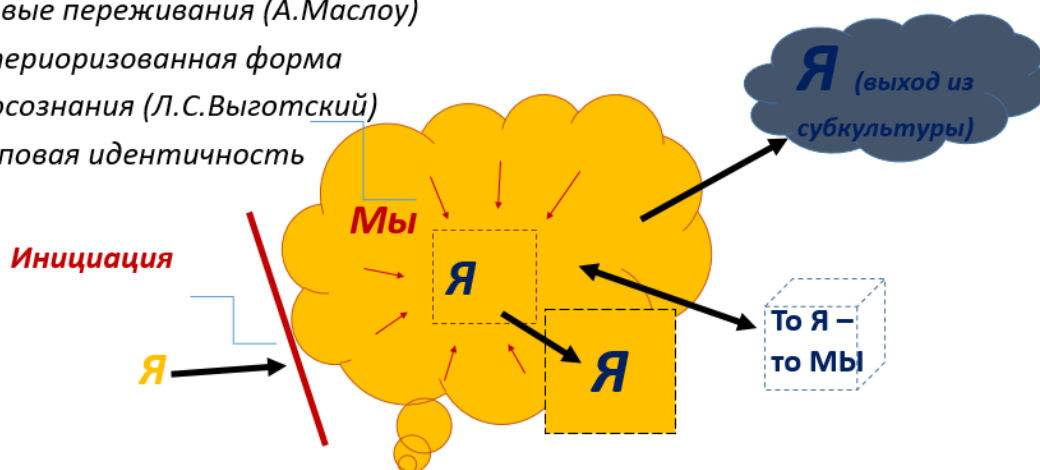

Рисунок 2. Модель личностного самоопределения в условиях субкультуры футбольных фанатов

Библиографический список:

1. Асмолов А.Г. Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 40. С. 1. Режим доступа: <http://psystudy.ru> (Дата обращения: 01.11.2019).
2. Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. Т.4. Ч.1: Педология подростка. М: Педагогика, 1984. 433 с.
3. Гуткина Н.И. Личностная рефлексия в подростковом возрасте: дис. ... кандидата психологических наук: 19.00.07 / Гуткина Нина Иосифовна. – М., 1983. 176 с.
4. Левикова С.И. Молодежная субкультура. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2004. 608 с.
5. Улыбина Е.В. Неизменность как характеристика идентичности футбольных фанатов [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2012. Т. 5, № 23. С. 6. Режим доступа: <http://psystudy.ru> (Дата обращения: 01.11.2019).
6. Чиксентмихайи М. Поток: Психология оптимального переживания. М.: Альпина нон-фикшн, 2015. 461 с.
7. Эриксон Э.Г. Молодой Лютер. Психоаналитическое историческое исследование / Пер. с англ. А.М. Каримского. М.: Московский философский фонд «Медиум», 1996. 560 с.

Vasilyeva A.Yu., Frolov Yu.I. **The model of personal self-determination in the conditions of the movement of football fans**

In the article, the problem of personal development is considered in the context of leisure activity and the ability of a person to manage his own life in the conditions of the youth subculture of football fans. Leisure activities of football fans become a field for self-realization and self-determination of the individual as a subject of the young person's own development during early adulthood. The ability to show initiative, strength in specific leisure activities of football fans and receive support from the reference group determines the differences in the way of managing the life of a football fan.

Keywords: personal development, self-determination, youth subculture, subculture of football fans

УДК 101.1:316

А. С. Никонов

Категории постмодернизма в творчестве Мадонны

Аннотация:

Музыкальные исследования выходят за рамки музыковедения и концентрируются не столько на структуре произведения, сколько на его социальном значении и транслируемых смысло-знаках. Используя междисциплинарный анализ музыкальных текстов, статья исследует, как в культуре, обществе и философии осуществляется переход от модерна к постмодерну. На основе композиций певицы Мадонны предлагается понять, как новая система знаков утверждается и распространяется в современном мире.

Ключевые слова: постмодернизм, поп-музыка, эстетика, постмодернистское сознание

Об авторе: Никонов Арсений Семёнович, МГУ им. М.В. Ломоносова, студент факультета мировой политики; эл. почта: narseny2001@gmail.com

Научный руководитель: Багдасарьян Надежда Гегамовна, профессор факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова; эл. почта: ngbagda@mail.ru

Музыка может запечатлеть мгновение. Даже если речь идет о «вечных» произведениях, ценность которых не исчерпывается многочисленными прослушиваниями, то они все равно остаются в своем времени: «В некотором смысле альбомы – это застывшие картины социально-исторического контекста» [5, с. 353]. Музыкальные исследования сегодня выходят за рамки музыковедения и концентрируются не столько на структуре произведения, сколько на его социальном значении и транслируемых смысло-знаках.

Так как культура служит зеркалом времени, необходимо понимать, какую современность она отражает. Философская концепция, описывающая состояние общества после модерна, в разработку которой существенный вклад внесли Ж. Лакан, Ж. Деррида, Ж. Бодрийяр, Ж.-Ф. Лиотар, определяется как постмодернизм. Ему свойственен эклектизм и фрагментарность, уничтожение метанарративов, отрицание

истины. Эти и другие черты проявлялись не все сразу, а постепенно, поэтому для трансляции и манифестации им были необходимы каналы и ресурсы. Музыка (шире – искусство) стала одной из форм выражения и фиксирования этих явлений. В статье рассматривается идея о том, как в поп-песнях может быть зашифрован контекст перехода от модерна к постмодерну. Изучение этой области крайне перспективно, так как музыка отражает ту неуловимую, распадающуюся на партикулярные нарративы и не имеющую единой трактовки реальность, которая нас окружает.

Если в музыке премодерна доминировала тема веры и суеверий, в музыке модерна – постижения истины и рациональной действительности, то постмодернизм не признает эти категории вообще. Как пишет Ж.-Ф. Лиотар: «Постмодернистский художник, писатель оказываются в ситуации философа: текст, который он пишет, произведение, которое создает, в принципе не могут подчиняться установленным правилам, о них нельзя судить посредством детерминированных суждений, применяя к этому тексту или произведению известные категории» [2, с. 331]. Творцу приходится конструировать мир вокруг себя, использовать в произведениях новые продуктивные категории, отказываясь от нерелевантных, так как они больше не могут способствовать креативу и прогрессу.

Феномен творчества певицы Мадонны знаменует собой постмодернизм в поп-музыке, исследуемый социологом Аллади Венкатешом и культурологом Фиатом Фиратом в статье «Постмодерн. Эпоха маркетинга», а также культурологом Джоном Дойлом в статье «Изменяющееся лицо постмодерна: ирония, искренность и популизм» [9; 10]. Французский исследователь культуры Оливье Секардан в «Автобиографии постмодерна, пост-мортем: Мадонна авто(био)графия» пишет о том, что певица Мадонна, «олицетворяет постмодернизм» [13, с. 67].

Перед непосредственным рассмотрением музыкальных текстов Мадонны более точно обозначим характерные черты постмодернизма. Несмотря на то, что в философской традиции не сложилось его единой трактовки, американский теоретик И. Хассан предложил обобщающую классификацию основных характеристик постмодернистского искусства. Среди них он выделяет фрагментарность, тяготение к деконструкции; отказ от канонов, от авторитетов, ироничность как форму разрушения; утрату «Я» и глубины, поверхностность, многовариантное толкование; стремление представить непредставимое, интерес к эзотерическому, к пограничным ситуациям; перформанс, обращение к телесности, материальности [4, с. 355]. Исследуемые нами музыкальные произведения Мадонны были выбраны таким образом, чтобы их тематика отражала очерченные выше постмодернистские лейтмотивы.

Антифундаментализм и отрицание всяческих социальных норм в текстах поп-иконы прослеживается с начала ее карьеры до настоящего момента. Так, в песне “Like a Virgin” (1984) Мадонна отвергает идею единой истины и великого повествования о религии. Она бросает вызов пониманию того, кто есть Бог, и существует ли религия. Фривольное, и порой негативное использование религиозных символов имеет подрывной эффект и разрушает сакральность религии. Разрушая большие нарративы, постмодернизм «играет с получившимися фрагментами, вновь собирая их в пародии, пасташи и ретро-переосмысления» [7, с. 364]. “Human nature” (1995) – произведение, где четко прослеживается категорическое отрицание внешних ограничений на биологические (секс) и интеллектуальные побуждения (свобода слова): «Я разрушаю все правила, которых я не создавала». Постоянный рефрен «Выражай себя, не подавляй себя» лишь подчеркивает пренебрежение к конвенциональной общественной морали и утверждение необремененной метанарративами личности. В эпоху постмодернизма каждый индивид имеет свой «собственный маленький рассказ, и эти маленькие рассказы заменяют великие и универсальные рассказы прошлого» [11, с. 437].

Постмодернизм использует иронию как способ переосмысления опыта ушедших поколений в современных реалиях. Она «приобретает характер некоего провокационного жеста в отношении сложившегося образа жизни и стиля мышления людей» [3, с. 315]. Ирония модерна применялась для отвлечения сознания от стереотипов и банальностей, носила ограниченный спектр применения, в эпоху постмодернизма ирония становится способом осмысления окружающего мира. Песня “Material girl” (1984) высмеивала материализм эпохи Рейгана, потерю ценностей живой жизни и повышение важности внешней оболочки предметов. Мадонна иронизирует над этой ситуацией, показывая, насколько пустой и поверхностной стала американская мечта с ее идеалами свободы и процветания. Певица признает, что она «материальная девушка» и может быть поверхностной, но она также «живет в материальном мире», который сделал ее такой. Использование иронии становится единственным способом освободиться из оков этой ситуации, бросить вызов сложившемуся образу жизни и стилю мышления людей.

«Только те, кто копит деньги,
Могут скрасить мой день,
Ведь они живут в материальном мире,
А я – материальная девушка».

Текст песни заметно контрастирует с клипом, что делает иронию столь очевидной и показательной. Если в строках произведения создается меркантильный образ певицы, которая готова во всем подчиняться «Мистеру Правильному с большим кошельком», то в клипе героиня изображается как женщина, полностью владеющая собой: «она не останавливается на бриллиантах». Она берет то, что хочет, когда хочет, и, кажется, диктует отношения, в которых она находится, особенно это заметно в эпизоде, когда она берет кольцо мужчины. Признавая абсурдность материального мира и доминирующих в нем стремлений, певица освобождается от его цепей с помощью иронии над ним.

Если концепт модерна не подразумевал закрепление в публичном пространстве сексуальных меньшинств, малых религиозных и национальных общностей, то постмодернизм делает проблемы этих групп видимыми. Мадонна в своем творчестве неоднократно поднимает тему дискриминации, соответственно, термин “empowerment” напрямую связан с ней. Последний альбом “Madame X” (2019) пронизан оппозицией “Extreme Occident”¹ (экстремальный/крайний Запад) – проблемы стран третьего мира. Для ее иллюстрации певица отстраняется от собственной идентичности, принимая ее множественность. Данная ситуация была описана французскими постмодернистами Жаком Лаканом и Жаком Дерридой, «которые отвергали непосредственность субъекта как первичный источник активности. Они утверждали, что личность становится расколотой и разделенной» [12, с. 58]. Индивидуум превращается в «дивидуума», которому не хватает единства и согласованности и в котором доминирует ситуативность. Так и Мадонна деконструирует свое «Я», актуализируя его части в разных моментах произведений. В композиции “Killers who are partying” присутствуют следующие строки:

«Я буду Израилем, если он был осужден,
Я буду коренным индейцем, если индейцы пропали».

Текст песни не только отражает социальную и политическую борьбу меньшинств, но и акцентирует внимание мира на болевых точках тела истории. Так как «у людей есть множество ролей, идентичностей или «Я», которые текучи, изменчивы и подлежат обсуждению», каждый из нас может стать борцом за справедливость, мир и честность [6, с. 220].

Жан Бодрийяр в «Прозрачности зла», говоря о том, что Мадонна в своих образах переосмысливает сексуальность, называет ее «мускулистым человекообразным существом» [1, с. 33]. Размытие различий «сексуальное-несексуальное», «мужское-

¹ “Extreme Occident” — одна из песен альбома “Madame X” (2019)

женское» является чертой эстетики постмодернизма, в которой нет ни метанарративов пола, ни определенной гендерной идентичности. В модерне существует ряд бинарных оппозиций, моделей, с помощью которых мы понимаем и оцениваем человека с точки зрения его гендера и сексуальности. Постмодернизм использует деконструктивный подход как способ осмысления реальности, в соответствии с которым любая система категоризации подвергается сомнению, позволяя нам заново переосмыслить дуалистические конструкции. Принимая инструментарий постмодернистской деконструктивной парадигмы, возникает вопрос, для чего ригидные конструкции типа «сильный мужчина-слабая женщина» использовались в эпоху модерна? Джудит Батлер утверждает, что эти оппозиции были полезны в организации патриархальной идеологии, а использование этих метафизических конструкций можно трактовать с точки зрения властных отношений и политических интересов, обслуживаемых ими. Как предполагает философ: «...категория секса изначально является нормативной, что Фуко называл «регулирующим идеалом». В этом смысле секс функционирует не только как норма, но и как часть регуляторной практики, которая производит тела и управляет ими» [8, с. 235]. Мадонна в своем творчестве ставит под сомнение суть бинарных гендерных оппозиций, а значит, и доминирующую модель властных отношений. Песня “Vogue” (1990) постулирует:

«Не имеет значения, ... мальчик ты или девочка,
Если музыка качает, это даст тебе новую жизнь».

Выстраивая дискурс безразличия к половым признакам, утверждая транссексуальность и искусственность, Мадонна создает характеристики нового человека, существующего вне категорий пола. Сама композиция делает выражение сексуальности менее стигматизированным, поощряя людей нарушать традиции, если это освободит их. Восставая против традиционных ценностей, Мадонна показывает человечеству другой взгляд на будущее, где оно может отказаться от патриархальных идеалов.

Таким образом, нами сделана попытка междисциплинарного подхода к исследованию произведений Мадонны как отражения постмодернистской философской парадигмы с целью углубления понимания феномена постмодернизма как системы знаков современности, когда формируется новый тип социальных взаимодействий, новая культура и новый тип личности.

Библиографический список:

1. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2000. 258 с.

2. Лиотар Ж.-Ф. Ответ на вопрос: что такое постмодерн? // Эстетика и теория искусства XX века. М., 2007. С. 322-332.
3. Пигулевский В.О. Ирония и вымысел: от романтизма к постмодернизму: Научное издание. М.: «Фолиант», 2002. 418 с.
4. Сергеев К..А. и др. Философия культуры. Становление и развитие: учебное пособие / Под ред. М.С. Кагана, Ю.В. Перова, В.В. Прозерского, Э.П. Юровской. СПб.: Издательство «Лань», 1998. 448 с.
5. Askegaard S. Experience economy in the making: Hedonism, play and coolhunting in automotive song lyrics // Consumption Markets & Culture. 2010. Vol. 13 (4). P. 351-371.
6. Brown S. Recycling postmodern marketing // The Marketing Review. 2006. Vol. 6 (3). P. 211-230.
7. Brown S. Retro-marketing: yesterday's tomorrows, today! // Marketing Intelligence & Planning. 1999. Vol. 17 (7). P. 363-376.
8. Butler J. Bodies that Matter. New York: Routledge, 1993.
9. Doyle J. The changing face of post-postmodern fiction: Irony, sincerity, and populism // Critique: Studies in Contemporary Fiction. 2018. Vol. 59 (3). P. 259-270.
10. Firat A.F., Venkatesh A. Postmodernity: The age of marketing // International Journal of Research in Marketing. 1993. Vol. 10 (3). P. 227-249.
11. Maoz D., Bekerman Z. Searching for Jewish answers in Indian resorts: The postmodern traveler // Annals of Tourism Research. 2010. Vol. 37 (2). P. 423-439.
12. Richard A. Spinello. The Genius of John Paul II: The Great Pope's Moral Wisdom. Plymouth: Sheed and Ward, 2007.
13. Sécardin O. L'autobiographie post-moderne, *post-mortem*: Madonna auto(bio)graphie // L'Esprit Créateur. 2002. Vol. 42 (4). P. 66-75.

Nikonov A.S. Postmodernism categories in the works of Madonna

Musical studies goes beyond musicology and focuses not so much on the structure of a work as on its social meaning and the meaning-signs it conveys. Using an interdisciplinary analysis of musical texts, the article explores how the transition from modern to postmodern takes place in culture, society, and philosophy. Using the compositions of the singer Madonna, it is proposed to understand how the new system of signs is asserted and distributed in the modern world.

Keywords: postmodernism, pop-music, aesthetics, postmodern mindset